

ОГОНЕК

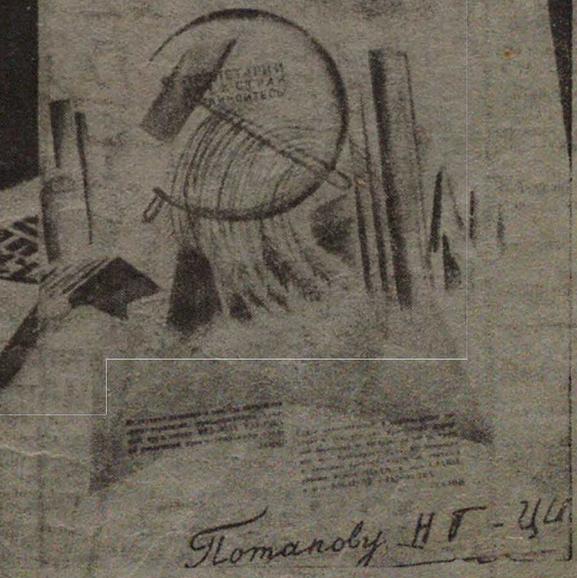

Сталин
о итогах
первой
пяти
летки
партиздат 1933

Партиздатом издан доклад тов. Сталина об итогах первой пятилетки на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Партиздат и типография „Красный пролетарий“ приняли все меры, чтобы сделать это издание шедевром советского полиграфического искусства. Тираж издания ограничен. Книжкой тов. Сталина награждаются лучшие из лучших ударников.

Грамота

Мастер горячего цеха московского завода ЦИАМ — т. Потанов — первый ударник, награжденный книгой. Внизу справа — почетная грамота, полученная тов. Потановым. Снимки А. Тимофеева

КОМСОМОЛ НА УДАРНОЙ СТРОЙКЕ

Одно из важнейших строителств Московской области в новом хозяйственном году — это строительство московского метрополитена. Сюда должны быть брошены лучшие и квалифицированные силы, все необходимые материалы, чтобы добиться повышения темпов работы и обеспечить пуск первого пезда метро к XVII годовщине Октября. На снимке: комсомолки-десятитысячницы Паня Соколова и Люся Лулева, работающие на шахте № 16, перед спуском в шахту.

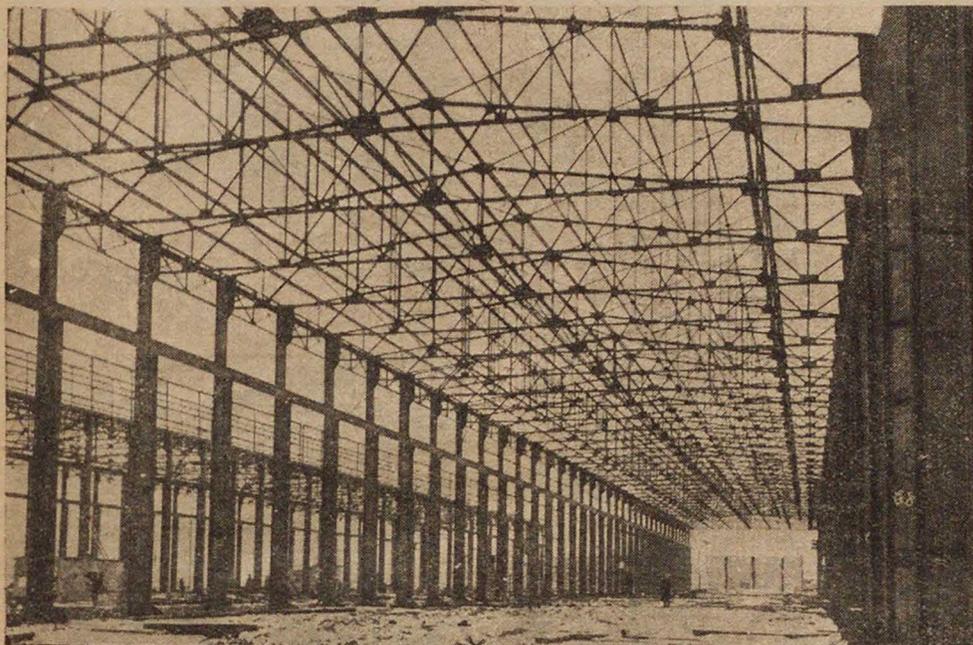
Фот. Кубеева (Союзфото)

XX 146
13.

СНАБЖЕНА
1934
XXXIV-36

№ 1 (487) 5 января 1934 г. (17-й год пролетарской революции)

ОСВАИВАЕМ НОВЫЕ ЗАВОДЫ И НОВУЮ ТЕХНИКУ

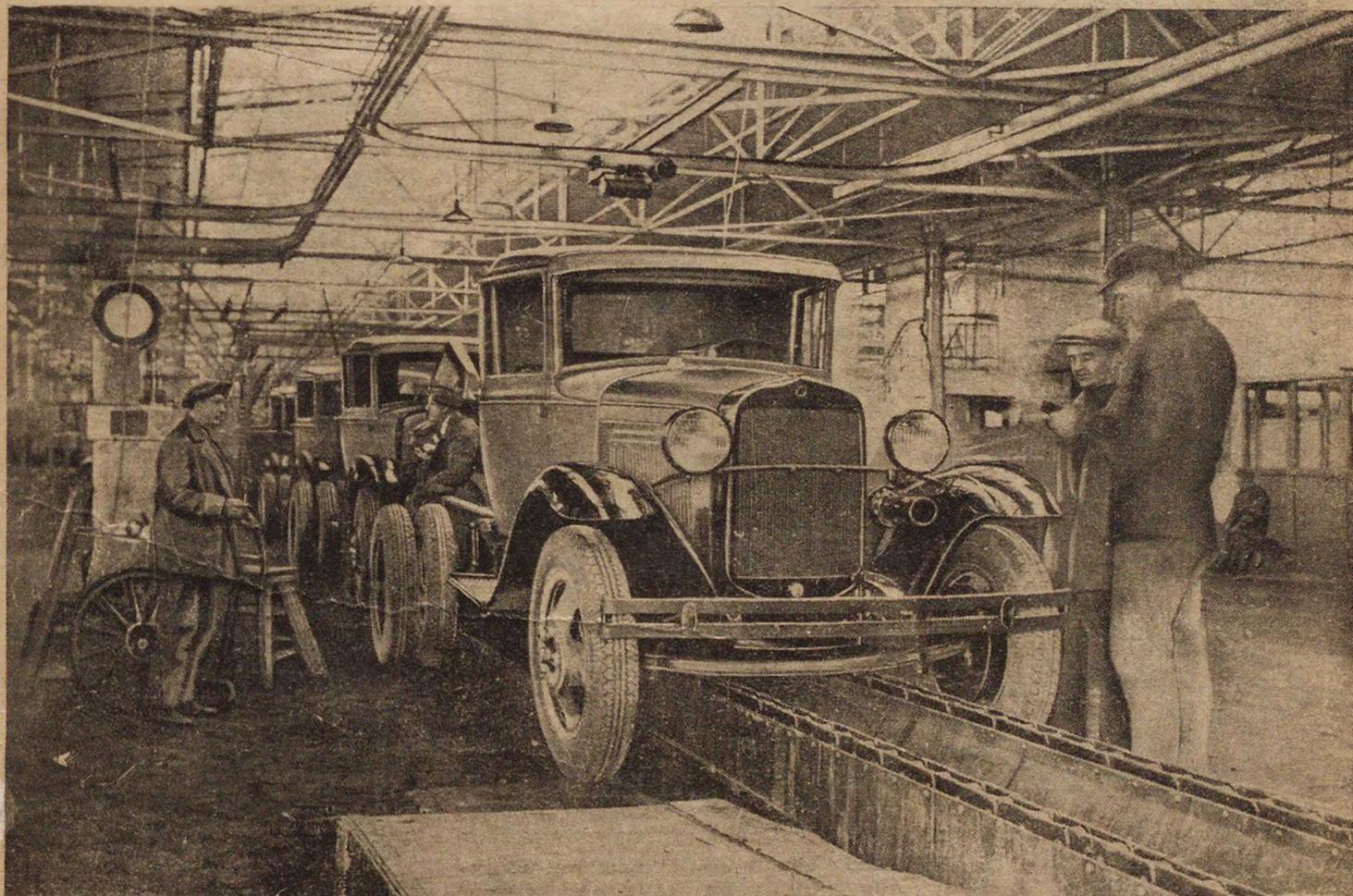

Сборочный цех Горьковского автозавода в период стройки (1931 г.)

«В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос нового строительства и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. В этом теперь главное».

И. В. СТАЛИН. Из доклада на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).

Со времени исторической речи тов. Сталина прошел год, первый год второй пятилетки. За этот год промышленность СССР добилась существенных результатов в выполнении задач, поставленных тов. Сталиным. На всех предприятиях Союза идет борьба за овладение высокой техникой, за культуру труда.

Сборочный цех Горьковского автозавода в наши дни. За 1933 г. завод полностью освоил свою проектную мощность. Продукция Горьковского автозавода, как это доказал Каракумский пробег, не уступает по своему качеству зарубежной. Сейчас завод стоит перед задачей освоения новой улучшенной модели автомобиля

Снимки А. Шайхета

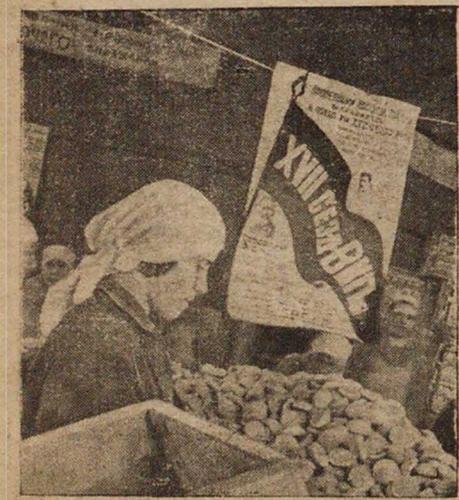
СТРАНА ГОТОВИТСЯ К XVII ПАРТСЪЕЗДУ

Лучшая спаренная паровозная бригада бригадира Ростонаева Сталинского паровозного депо Октябрьской ж. д. объявила себя бригадой им. XVII партсъезда по сохранению октябрьских измерителей
Фот. А. Тимофеева

К XVII партсъезду школьники 26-й школы Бауманского ОНО (Москва) соревнуются на лучшее качество учебы. Боря Скобеников — лучший ударник 6-й группы — за работой в слесарной мастерской
Фот. Базилиевича (Союзфото)

Кондитерская фабрика «Большевик» в Москве, включившись в поход им. XVII съезда партии, перевыполнила годовой план к 1 декабря. На снимке: ударница пряничного цеха т. Сергеева за упаковкой пряников.
Фот. Евзерилина (Союзфото)

Редакция газеты «Красный Хошер» и политотдельской газеты МТС за оформлением номера газеты, посвященной подготовке к XVII партсъезду (Нижняя Волга).
Фот. Серкова (Союзфото)

Политотдел железнодорожников 5 го эксплуатационного района Северных ж. д. широко развернул к XVII партсъезду политучебу железнодорожников.
Фот. Орлова (Союзфото)

В подарок XVII партсъезду рабочие московской фабрики «Парижская коммуна» обязались дать сверх плана 90 тыс. пар обуви.
Фот. Озерского (Союзфото)

Слесари депо Дебальцево, Юж. ж. д., комсомольцы Дмитрий и Иван Малаховы, включившиеся в поход им. XVII партсъезда, перевыполняют свою программу и ведут за собой всю молодежь депо.
Фот. С. Шингарева (Союзфото)

Производственное совещание цеха ВР московского Тормозного завода, посвященное выполнению обязательств цеха к XVII партсъезду.
Фот. А. Шайхета

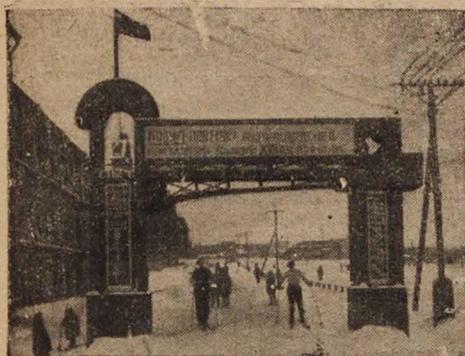

Рабочие стекольного завода им. Уханова (Москва) принимают обращение передовых предприятий Москвы о включении в поход им. XVII партсъезда.
Фот. А. Шайхета

Сталинградский лесозавод им. 25 Октября широко развернул предсъездовское социалистическое соревнование. На снимке: бригада тов. Давыдовой за укладкой досок на сортировочной площадке.
А. Макленцова (Союзфото)

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К XVII ПАРТСЪЕЗДУ

Новым подъемом социалистического соревнования встречают рабочие фабрики «Красная поляна» Коммунистического района, Московской области XVII съезд партии. Здание фабрики украшено лозунгами и плакатами.
Фот. Плотникова (Союзфото)

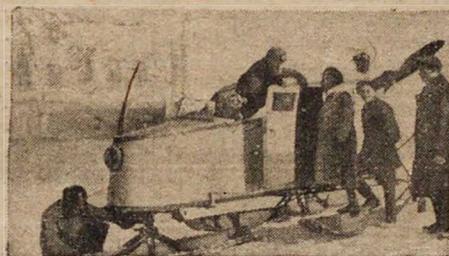
Политсанклуб имени Моссовета, готовящий кадры техников для промкооперации, рапортует съезду образцово поставленной работой своего общежития.
Фот. Е. Мигулиной

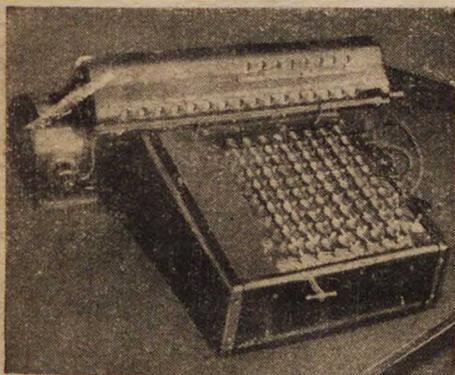
Бригада тов. Горб — лучшая бригада имени Кагановича фабрики Москвошвей № 3.
Фот. А. Шайхета

Закончить ремонт всех с.-х. машин к XVII партсъезду решили рабочие Н.-Анненской МТС.
Фот. Просвирина (Союзфото)

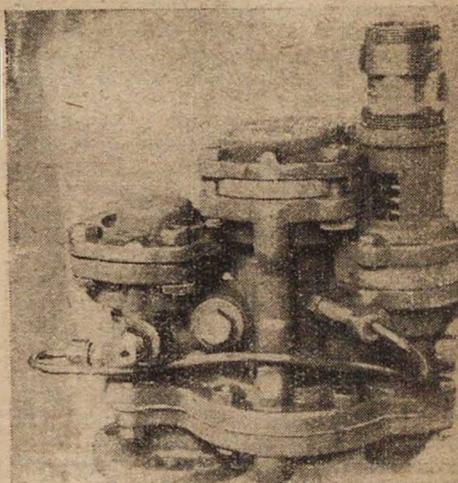
К XVII партсъезду Татавтодор выпустил аэросани для связи с отдаленными районами.
Фот. Темина (Союзфото)

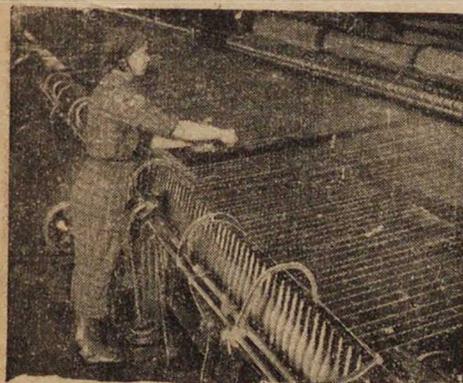
Счетная машина КСМ — новое достижение московского завода им. Ф. Дзержинского.
Фот. А. Шайхета

Депутатки райсовета Октябрьского района Москвы, домашние хозяйки, проверяют выпечку хлеба в пекарне, выполняя свое обязательство съезду партии.
Фот. Е. Макулиной

Тормоз Шавгулидзе — новая усовершенствованная конструкция, над освоением которой работает московский Тормозной завод.
Фот. А. Шайхета

Лучшая ударница московской фабрики сукон им. Петра Алексеева прядильница тов. Хохлова за работой.
Фот. А. Шайхета

Борются за высокое качество продукции, уничтожить повторность ремонта, повысить трудовую дисциплину. — вот какие обязательства взяла к XVII партсъезду бригада токарей тов. Сергиенко Дебальцевского депо, Южных жел. дор.
Фот. С. Шингарева (Союзфото)

В порядке подготовки к съезду партии лучшей ударницей бригады Остроумовой бельвевого цеха сталинградской фабрики имени 8-го марта сдала техэкзамен на «хорошо» и полностью освоила все операции работы на конвейере.
Фот. А. Маклецова (Союзфото)

ОТКРЫТИЕ ГОРОДА

Мариэтта Шагинян

1

К этому городу, о котором я мечтала всю жизнь, поезд подошел на ранней заре. Было почти темно, когда я с мешком в руках выбралась на вокзал. Никакой суеты, никаких встреч, вокзальные часы были освещены, как ночью, и стрелка стояла между четырьмя и пятью. Так же тихо, до странности, было и на улице, куда несколько таких же ночных и никем не ожидаемых пассажиров вышло тихонько, чтоб раствориться в темноте. Странный предрассветный мрак,— час, когда люди чаще всего умирают,— по капризу судьбы впервые показал мне город, имеющий самую светлую репутацию в мире. Про него у нас свыше трех десятков лет принято говорить плохо. Имя его стало нарицательным для жителей. Носить это имя — вещь мало почетная, хотя Виктор Шкловский и пытался в недавнем прошлом обнаружить в нем некоторое географическое достоинство. Лгуи, хвастунишка, болтун, горлаш, спекулянт — вот репутация города и его жители, и об этом самом городе я мечтала с детских лет, как никогда не мечтала о ржавом кирпично-красном величии Рима, о розовом, изъеденном бактериями мраморе Афин, о светлосером изяществе парижских площадей. Быть может потому, что и Рим, и Ширей, и Париж, один за другим, становились для меня реальностью, а до этого города я никак не могла доехать, непременно мешало что-нибудь. И в то же время близостью этого города, разговором с ним, людьми его и даже его дыханием была полна для меня, в ночь с последнего дня декабря 1899 г. на первый день января 1900 года,— торжественная встреча двадцатого века. Семь поездных составов в тот день застряли, из-за снежных заносов, на станции Бирзула. Мне было тогда одиннадцать лет, я ехала с отцом из Москвы к умирающему деду, в городок Григориополь. Ау, читатель, отзовись — кто еще встречал со мною двадцатый век на станции Бирзула?

Отец мой был выбран организатором «общественного питания». Прокормить в небольшом буфете отрезанной снегом маленькой станции несколько сот человек — дело не шуточное, и отец пропадал весь день, а я, в шубке и валенках, чинно разгуливала вдоль неподвижных составов, с записной книжкой в руках. На одной из страничек крупным детским почерком и по сей день стоит в книжке «Одесса». Ничего больше, только название. В тревоге путешественников, их разговорах, их переключке, на обложке кармели, которой меня щедро потчевали старшие, звучало и глядело на меня это незнакомое, удивительно красивое, пыльное слово,— до которого, по словам самых отчаянных и огорченных, было «рукой подать, а вот накуси, выкуси». Снежные Альпы — рыхлые, сверкающие на колочем солнце россыпи снегов отделяли нас от таинственного места с пыльным именем. Когда, полуснятая со склеившимися ресницами, на рубеже двух столетий, я торжественно получила от соседней стакан квасу и меня поздравили «с двадцатым веком», я чокнулась и спросовок сказала: «за Одессу!» Таким-то образом город с помоченной репутацией превратился в синюю птицу моего детства.

И вот я вступаю с дорожным мешком в руках в его предрассветные улицы, когда жизнь лежит на плечах грузом почти целого полувека. Я гляжу жадно и с нежностью,

потому что этой детской мечте душа моя ухитрилась остаться верной. Когда газеты и люди подтверждали анекдотическую репутацию города, я хваталась за спасительный образ Пушкина. Можно ли было категорически очернить этот город, единственный, где величайший поэт нашел для себя,— изгнанный, запертый, лишенный того, что в его время щедро доступно было Карамзину, Вяземскому, Боратынскому, даже Кюхельбекеру, лишенный возможности попасть в Европу,— нашел для себя кусочек этой Европы? Я знаю десятки людей,—и себя в том числе,—никогда не могущих без слез читать лежачую главу о путешествии Онегина, ту, что должна была быть между седьмой и восьмой песнями. В ней нет ничего жалостливого, но есть нечто жалкое в маршруте, который был отмерен гению Пушкина русским самодержавием. Когда поэт захотел прокатить своего героя, «то оказалось, что мечта Пушкина о поездке за границу, так и оставшаяся мечтой, не имеет материала для заграничных странствий Онегина. А для русских странствий был только один маршрут, собственный маршрут поэта, и по тем местам, по которым Пушкин ехал в ссылку, должен был проехать по доброй воле и его герой. Географический горизонт гения определился ссылкой».

Сто десять лет назад, 1 декабря 1823 года, Пушкин писал А. И. Тургеневу: «Надобно, подобно мне, провести три года в душном азиатском заточении, чтоб почувствовать цену и невольного европейского воздуха». Это Пушкин благодарит Тургенева за хлопоты по перевесу его из кшиневской ссылки в одесскую. И когда я слышала, как ругают Одессу и мне рассказывали одесские анекдоты, память хваталась за эти строки, как за талисман.

Но сейчас надобности в талисманах не было. Вокруг разворачивался сам оплеванный русской общественностью город, и уже с первых шагов встала задача объяснить, как, почему, по какой причине к Одессе мог быть наклеен ярлык, напоминающий отечество Тартарена. Я шла, как путешественник из арабской сказки, нашедший неожиданно в пустыне мертвый город из золота, драгоценных камней и сандалового дерева. На мертвых улицах, в мертвой тишине было видно, как однообразно широки и бархатно гладки мостовые, как ждут на углах трамвайные стойки с каменными нишами и сиденьями, как высется спящие дома, один за другим, парадом дворцов,—монументальные, вековой кладки, стили итальянского Ренессанса, с гранитными плитами фундаментов, с огромными, великодушными подъездами, с щедрым изяществом решеток; оконных наличников, и чем дальше я шла, тем становилось виднее, что это не самодурство случайного купца и не парадный ход, за которым нога ступит в лужу или в дыру вывороченного камня, а вещь без обмана, солидная вещь, берите ее руками, смотрите с головы и до ног, от вокзала до приморского бульвара с полукружием, на котором сутками выстаивают люди возле кейсовских телескопов, и еще дальше, вниз, до фюнкюлера в порт, до самого порта с его солидной, крепкой, не амортизованной, долговечной каменной кладкой,—все высшей несомненной добротности, с какой обстраивалась наполеоновская империя, какую знал молодой буржуа. Предо мной был конец восемнадцатого — начало девятнадцатого века, зря капита-

лизма, восход эры первых банков и кредитных учреждений. Советские имена и названия осели на блестящие дощечки и мраморные плиты стен, рада вошла в мавританский дворец биржи, но не узнать прошлого этих построек, не узнать стиля, рожденного словом «капитал», в этих капитальных, роскошных зданиях финансовых вельмож было бы невозможно. Кто строил Одессу? Воффо, Тома де Томон, Торичелли, Отон Генсьоровский, Бернардацци, Фелькер и Гельмор (строители оперы), Мельников... Когда она строилась? У нас мало кто знает, что Одесса в семье русских городов своего рода американец. У нее нет предков. Правда, у Петербурга тоже нет предков, но Петербург был городом царя Петра, и элементы феодализма, несмотря на историческую молодость новой столицы, были внесены в нее плановым порядком,— вместе с «двором» и царской челядью, и сейчас, на взгляд современника, совершенно ясно, какое место занимал в старом Петербурге Зимний дворец и какое—Гостиница двор. Но Одессе не царь прорубал окно в Европу, а сыпавшееся зерно превращало ее в дворцы купцов и банкиров. Во время Пушкина в ней еще не было ни мостовых, ни водопроводов, но уже совершенно отчетливо доминировал в ее городском пейзаже не величественный дворец заместника, а городская площадь и торговые корабли в порту, а это для городов тогдашней России было уже чем-то, абсолютно новым.

«Я жил тогда в Одессе пыльной... Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильной
Свои поддемет паруса,
Там все Европой дышет, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой,
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелой,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали».

И дальше, через четыре строфы:
«Глядишь, и площадь запестрела
Все оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,
Однако больше по делам.
Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? И где пожары?
И нет ли голода, войны,
Или подобной новизны?»

(Из «Путешествия Онегина»).

Нельзя дать свежее и лучше образа молодого капитализма, где купец — еще дитя не только расчета, но и отваги, где он уже не может не интересоваться политикой, мировыми событиями, всем, что влияет на предпринимательские функции его «отваги», где люди бегут «за делом и без дела, однако больше по делам», где торговый интернационал пестреет на улице и где,—генеральный намек, черточка вечной, классической важности, оброненная Пушкиным, где «ходит гордый славянин»... почему гордый, чем гордый? Разобраться в этом, зна-

чит ответить на вопрос, что такое Одесса в развитии русского капитализма, и на вопрос, почему и как ей наклеили фашистский ярлык. Гордость, подмеченная Пушкиным в славянине, раздувающим на петрских улицах Одессы, не есть хозяйская гордость городом, недавно встроеным на завоеванной земле, а совсем иное чувство — пренебрежение русского, воспитанного на дворянской культуре, к месту действия нового класса, чувство превосходства дворянина, как бы гостем проходящего по улице, перед «ses gens-la», торговым «сбором» разных национальностей.

Когда выше я дала моему перу (не без умысла) зазвучать почти дифирамбом капиталистической внешности Одессы, мне заранее подсказало воображение, как вот тут, на этом самом месте, поймут меня с полными критики. Не я-расшифрую свой умысленный дифирамб. Замечательный ленинский второй том открывает всем, мало знающим русскую общественность девяностых прошлого и первых годов нашего столетия, — как много сил, остроумия, ненависти потратил Ильич на борьбу с реакционной безразличностью капитализмом у русских народников, как страстно он боролся с феодальной, славянофильской романтической критикой капитализма, расчищая дорогу марксистскому взгляду на него, как на прогрессивное явление по сравнению с дворянско-феодальными отношениями. Этот второй том работнику нашей культуры следовало бы знать наизусть, чтоб уметь отличать замаскированные следы славянофильства в очень многих явлениях прошлой, да и настоящей нашей общественности. И репутация Одессы, города, который был выстроен руками молодой, иностранной, европейски образованной и на европейской либерализме воспитанной буржуазии, который всегда наводнен был передовыми, свободомыслящими людьми¹, который позднее, получив университет, собрал в нем крупнейшую передовую профессию, таких физиологов, как Сеченов и Мечников, — репутация этого города, как синоним чего-то хвастливого, пустозвонного, надувательски спекулятивного, родилась из дворянско-славянофильских кругов русского общества. Она не могла быть подсказана пролетариатом. В ней ясно чувствуется тот самый «гордый славянин», кто белорукой ходил по улицам Одессы во время Пушкина, презирающий капитал, как «дело рук инородцев», и только укрепляющий власть капитала глубокой политической реакционностью своей позиции.

2

Нам надо стереть эту репутацию. Но разберемся, как лучше ее стереть. Выше я сказала: «Одесса могла бы стать пролетарским центром... Трагедия этого красивого города, единственного у нас в Союзе по своей монументальной стертости, добротности и удобству, заключается в том, что он не стал пролетарским центром. Почему?»

Рассвело и начался день, куда я бродила с моим мешком, нескончаемо размышляя и разглядывая. Но хотя день начался, а в Одессе было попрежнему полумертво. Трамвай или едва наполненные, на улицах немногочисленные, в окнах университетов поразительное убожество. Сколько-нибудь

¹ Вспомним во времена Пушкина хотя бы англичанина — атеиста Гунчисона, давшего Пушкину урок безбожия. «Здесь англичанин глухой философ, единственный умный афеек, которого я еще встретил... Система не столь утешительная... но, к несчастью, более всего правдоподобная». Как известно, приравнялся к этому письму Пушкина, Воронцов добился его высылки из Одессы.

живого движения не чувствовалось ни в порту, где два теплохода сонно терлись, как два дельфина, боками о набережную, ни на окраине, совершенно лишенной фабрично-заводского вида, — было ясно, что двигательный нерв старой Одессы убит. И в то же время налицо была исключительная высокая культура потребления, о которой другие русские города, вплоть до Москвы, понятия не имеют. Следы заказчика, очень требовательного, на каждом шагу. Высокое мастерство баншачника, с его одинокой витриной-ящиком с наружной стороны дома, имеет себе равное разве еще в Батуме или в Баку. Множество кустарей, — портных, белошвейк, шляпниц. Отличные прачечные. И непонятно большое количество мастерских «живописцев вывесок». На этом, казалось бы, нехитром деле, совершенно не процветающем, например, в Москве и почти исчезнувшем за границей, где оно заменено электрической и световой рекламами, — целиком еще сохранился девятнадцатый век с его горластой конкуренцией. Но для кого живут и работают одесские живописцы вывесок?

Предо мной во всей его совершенной прелести лежал культурнейший город-потребитель, город, где умели, любили и как бы профессионально воспитывались потреблять. Ни нефти, ни угля, ни железа, ни хлеба поблизости не было. Ни одного большого, действительно большого предприятия в Одессе нет, если не считать завода им. Марти, имеющего в основном не производящую, а ремонтную функцию. Потребление, к которому привыкли в Одессе, не производственное, а личное, и в то же время слишком нарядное и показное, чтобы родиться из домашнего быта. Силой, вызвавшей к жизни Одессу, была примерно та самая тяга, какой вызываются к жизни отлично оборудованные гостиницы, несравненно более комфортные, нежели частные жилища, потому что в гостях мы хотим быть лучше, чем дома. Тяга молодой буржуазной «коммерции» на больших транзитных путях, еще соединявшей в себе «расчет» с «отвагой», еще неоседлой и живущей «в гостях» в Одессе, а потому и слишком нарядной. Когда повисел паруса в море, самое бытие Одессы, как города, повисло в воздухе.

Позднее мне пришлось говорить со многими украинскими работниками в Одессе. Соглашаясь с тем, что город развивается в замедленном темпе, они разводили руками: «индустриализовать надо». Это верно, что особый функциональный характер Одессы, как города, порта — передатчика, коммерсанта, кредитора, получателя по накладным, словом, места транзита, а не производства товаров, — не помешал ей сделаться пролетарским центром. Но действительно ли индустриализация может спасти Одессу? И чем, при посредстве чего, на чем ее можно индустриализовать?

Невероятно и недопустимо, чтобы в живом, действующем, социально-сильном организме нашего Союза, в живой, действующей, хозяйственной ткани советской Украины, — так, ни за что, ни про что, — может быть взят да и выброшен за скобку один из красивейших городов в мире, повешенный, с высокой культурой общественных построек, библиотек, оперы, парков, садов, санаториев, целебных грязей, оборудованных лечебниц, порта... Не может быть, чтобы в самой Одессе уже не было новой судьбы, ростков, которые мы еще не видим и не понимаем.

И тут, когда я так «повернула» для себя пеповоротливое, но пронзительное стекло окуляра — передо мной вдруг забрезжила разгадка.

Одессу строило хлебное зерно. В хлебном зерне и надо искать, куда оно повернет развитие города. Когда года два назад в редакции «Известий» я обмолвилась фразой, что мечтаю съездить в Одессу, редактор отозвался: «Ну что ж, там недалеко Шевченковская МТС». Иначе сказать, он сразу, по-газетному ухватил быка за рога.

Шевченковская МТС, практический опыт, лучший в основу механизирования нашего сельского хозяйства, была первой в Союзе машинно-тракторной станцией, возникшей вдобавок не по заранее намеченному плану, в порядке целой серии, а лабораторно-органически, явочно, как явление местного развития. В том, что первая МТС, послужившая материалом для теории и обобщения, родилась неподалеку от Одессы, в степной полосе Украины, — нет ничего случайного, удивительного. Вспомним, что за страна лежит за спиной выдвинутого ею к морю городского центра. Это — холмистая равнина, постепенно и равномерно понижающаяся. «Почва — лес, очень плодородная». Распаханность высокая, кормовая площадь, обширная, по густоте населения занимает пятое место в системе района; в посевах преобладает пшеница². Она сравнительно однородна по рельефу (что облегчает рациональный севооборот), хорошо обеспечена железными и грунтовыми дорогами, принадлежит к счастливому «степному чернозему». И Одесина сама, на практике большого совхоза, подсказала единственно-верную форму, в которой может социалистически развиваться: организацию МТС. Когда начался у нас великий исторический бой 1933 года за уборочную кампанию, этот бой, — как всегда бывает на фронте, — обнаружил и выдвинул стратегически наиболее важные пункты, — кандидатуры в узловое средоточие машинно-тракторных крепостей, в их организационный, руководящий штабной центр. Этими двумя пунктами оказались город Ростов, на Северном Кавказе, и город Одесса на юге Украины.

Для всех, кто провел эту осень на хлебном фронте, особое значение в Ростова-на-Дону и Одессы в семье городов Союза не могло не броситься в глаза еще и потому, что оторванные от Москвы и Ленинграда они не могли не почувствовать деловое притяжение других городов, ставших для них как бы центрами теперешней их работы. Свои города забылись и потерялись где-то в тылу, а эти ожили и продвинулись. В них происходили съезды, конференции, отчеты работников политотделов, работников Тимирязевки, высланной своих студентов на поля уборочной кампании, ударников-колхозников, передовых колхозов, передовых МТС и т. д. и т. д. Телефоны, телеграфы этих городов подверглись такому наплыву «уборочных информаций», что частично здесь приходилось простаивать в особой очереди — «очереди внеочередных»...

Разговор об оживлении Одессы при помощи «вообще индустриализации» пустой разговор, потому что сам город уже наметил себе путь исторического развития, — он станет столицей и штабом машинно-тракторных станций, местом, где их опыт ляжет в обобщения, их практика приведет в систему, их люди найдут друг друга. В какой форме и как это произойдет и какой вид индустриализации неизбежно вызовет к жизни, — можно предсказывать не иначе, как в связи с направляющей линией развития самой МТС.

² Д. И. Шиф. Материалы по сельскохозяйственному районированию Одесской губернии. Одесса. Губ. стат. бюро. 1925.

³ Д. И. Рихтер. Опыт разделения Европейской России на районы. Цитируется у Шифа.

ШХУНЫ ВЫХОДЯТ В МОРЕ

От придуманных трагедий,
от несбывшихся аварий
неожиданно уедем
мы с тобой на юг, товарищ!

Ты же там ни разу не был
и ни разу не видал ты,
как натянутое небо
нарисовано над Ялтой.

Ты увидишь, и тогда ты
перестанешь упрекать:
удивительным закатом
захлебнутся облака.

На закате, на закате
нас с тобой покатит катер.

Он помчится, понесется,
нас до мыса довезет.
Видишь, розовое солнце
улеглось на горизонт.

Посмотри, слегка поодаль
заходили волны вдруг:
грузный контур теплохода
обогнул «Медведь-гору».

Берегов, курортов мимо,
волоча тяжелый дым,

мимо Грузии и Крыма
ходят «Грузия» и «Крым».

И название каждой снасти
знаю я наперечет.
И мое большое счастье
тоже по морю плывет.

Свой короткий летний отдых
отдаю я морю весь —
на советских теплоходах
ухожу в учебный рейс.

Чтобы соль покрыла губы,
чтобы волны шли кругом.
Я хочу и я могу быть
настоящим моряком.

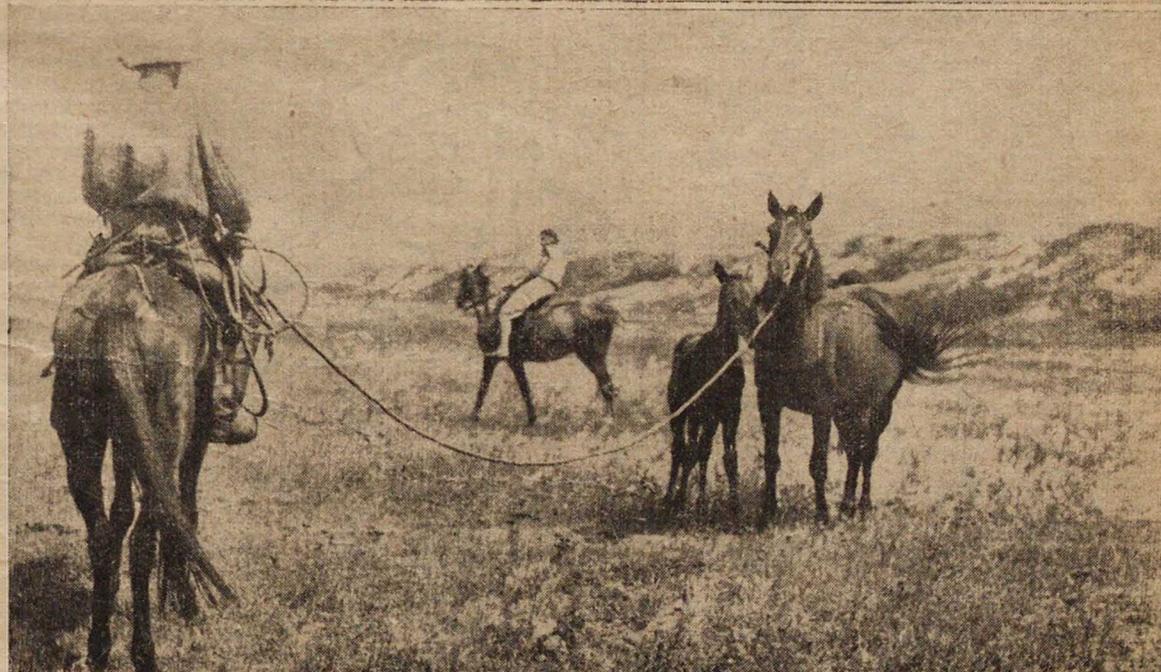
Ничего, что я девчонка,
что на суше я пока —
для меня, как парус тонкий,
над Москвою облака.

У веселых и у юных
хорошо мечты горят.
И надежд большие шхуны
отправляются в моря.

Фот. И. Шагина

Маргарита Алигер

ЗА КРЕПКОГО КОНЯ

За крепкого коня, остающегося до настоящего времени одной из решающих сил на сельскохозяйственном фронте, борются коневодческие совхозы.

Снимки сделаны в Черкасском консовхозе (Сев. Кавказ). Наверху — совхозный табун на выгоне, в середине — водопой, внизу — поимка одичавшей матки.

Снимки Г. Гер

ДУМЫ МОИ!

Тарас Шевченко

Думы мои, думы мои,
Горе мне с вами!
Что вы встали на бумаге
Грустными рядами?
Что вас ветер не развеял
Пылинкой степною?
Что вас горе не вскормило
Как дитя родное?

Горе вас когда-то ша-смах породило,
Проливали слезы... Что не затопили,
Не вынесли в море, не размыли в поле?
И никто б о боли не хотел узнать,
Не спросили, что я проклинаю долю,
Что тучу я в мире?.. «Нечего ждать!» —
Не сказали б ша-смах...

Цветы мои, дети!
К чему я любил вас, к чему так ласкал?
Иль заплачет сердце, одно на всем свете,
Как я с вами плакал?.. Может, угадал...
Может, девушкино сердце —
Карие очи —
Думу слушая, заплачут —
Мне уже нет мочи...
С карих глаз одна слеза лишь,
И — пан над панами!
Думы мои, думы мои,
Горе мне с вами!

За улыбку карих глазок,
За черные брови
Сердце рвалось и смеялось,
Говорило шровью;
Говорило, как умело,
За темные ночи,
За вишневый сад зеленый,
За девичьи очи...

За поля и за могилы,
Что на Украине.
Сердце мдело, не хотело
Петь на чужбине...
Не хотелось в снежном поле
Казаков отряды
С булавами, с бунчуками
Собирать парадом...
Пусть казаков этих души
Украиной витают:
Там широкое веселье
От края до края...
Как та воля, что минула,
Днепр широкий — море,
Степь и степь, ревут пороги,
И могилы — горы.
Родилась там, гарцовала
Казацкая воля,
Польским трупом и татарским
Засевала поле,
Засевала трупом поле,
Пока не остыло...
Спать легла... А той порою
Выросла могила...
И орел над нею черный
Сторожем летает...
Кобзари об этом людям
Песни распевают.
Вспоминают дни былые,
Минувшие драки —
Знают все... А я, несчастный,
Лишь умею плакать.
Только слезы за Украину...
А слов не хватает...
А про горе? Что про горе!
Кто его не знает?
И его похороню я

У сердца в колодце,
Чтоб враги не увидали,
Как горе смеется...
Пусть же думка, словно ворон,
Летает и кричет,
Пусть соловушкой сердечко
Щебечет и плачет...
Может, люди не увидят
И не засмеются...
Слез моих не утирайте,
Пускай себе льются,
Чуждый камень поливают
И днями и ночью,
Пока чуждою землею
Не засыпят очи...
Так-то!.. Так-то!.. Что же делать?
Тоска не поможет.
Кто ж завидует сиротке,
Караю того, боже!

Думы мои, думы мои,
Цветы мои, дети!
Я растил их, я ласкал их,
Куда же мне деть их?
На Украину идите,
В нашу Украину,
Там под тыном сиротуйте,
Я же тут сгину!
Там вас встретит добрым словом
Никто не забудет,
Там найдете много правды,
Может, слава будет...
Приголубь же, мать родная —
Моя Украина,
Замерзающую думку,
Как родного сына!

1839 г.

Перевел М. Светлов

ГЕРОЙ¹

Вл. Линдн

Рис. Сойфертиса

Господин Бурдоносов владел нашей семьей. Все знали его звонок. Господин Бурдоносов приходил в седьмом часу вечера. У него была шуба с пелериной, некая особая необычайная шуба со сложными запахами меха, зимы и величественности человека. Я помню громадные рыжие боты, подбитые кожей. Я заглядывал внутрь них, как в колодцы, и видел буквы Г. Б. — Гавриил Бурдоносов. В пелерине было придворное величание. У господина Бурдоносова были коричневые нафабранные усы, золотое пенсне и прибор, похожий на формулу: так старательно были поделены, разложены и притерты коричневые остатки волос. Господин Бурдоносов был частным ходатаем. У него была орлиная слава. Он выжидал неплатежей, опротестованных векселей и банкротств. Тогда он налетал, как орел, как стервятник. Его знали банкроты всех городов — от Одессы и до далекого Иркутска. Господин Бурдоносов появлялся в городе внезапно, как бедствие. Он снимал номер в гостинице и посылал фирме, приостановившей платежи, свою визитную карточку. Через час представители фирмы, их доверенные были уже в его номере. Господин Бурдоносов шагал по комнате. Он приводил в смущение поспешностью своих перебежек, львиным рыканьем и свергающими белками глаз.

— Сорок копеек за рубль, — говорил он на ходу. — Сорок копеек за рубль, или я объявлю вашу фирму банкротом.

— Двадцать копеечек... не вытнем больше, — шептали доверенные, поспевая за ним по комнате.

— Сорок! — повторял Бурдоносов. — Сорок, или я стною вас в тюрьме!

У него была необычайная шуба со сложными запахами меха, зимы и величественности человека.

Ему предлагали двадцать пять, затем тридцать... Он был наверняка, у него был орлиный взгляд. Он приходил в наш дом и клал мне руку на голову.

— Ну-с, итак, мальчик, — говорил он, — как учишься?

Это была жирная, мягкая рука покровителя нашего дома, и я благоговейно ощущал ее возвышенную тяжесть. Навстречу ему шел отец. Бурдоноссов имел на него большое влияние. У отца была слабость: он сочувствовал студенческим забастовкам и завидовал Франции, потому что во Франции была республика. Господин Бурдоноссов был республиканцем. Он ненавидел монархию. Он вызывал отца на политические разговоры. Тогда я слышал львиное рыканье:

— Капитализм в России еще очень молод, но он уже запустил когти. Вы думаете, почему я так выискиваю банкротов? Это одна из форм борьбы. — Он любил повторять стремительное и загадочное слово — революция.

В тысячу девятьсот пятом году, в пору моего девятилетнего отрочества, революция ворвалась в нашу квартиру. В доме не горело электричество. Вода не шла из водопроводного крана. По улице проезжали патрули. Я оттачивал в кухне на кирпичном срезе плиты нож для разрезания книг. Я присматривал в кавказских магазинах кинжалы. Я нуждался в оружии. В нашей квартире скрывался студент. Отец давал деньги столяру с мебельной фабрики Шмидта, он приходил к нам, маленький

¹ На книге «Начало жизни».

белолицый столяр, первый нелегальный спутник моего детства. Столяр был дружинником. Он показывал мне настоящий никелированный «Смит и Вессон». Я смотрел зачарованно на барабан, набитый боевыми патронами.

— Каждый передовой человек должен помогать революции, — говорил господин Бурдоносков. — Абсолютизм уцелел единственно в России и в отсталых странах. Мы не Стам, мы хотим участвовать в концерте европейских держав.

Я представлял себе оркестровую раковину, как на катке. Неслыханный концерт раздается из этой раковины, в которую нас не пускают. У музыкантов благородные лица, пламенные глаза и эспаньолки, как в модных журналах. Господин Бурдоносков ходит по комнате.

— Вы помогаете забастовщикам, — говорит он львиным голосом. — Это благородно. Вы даёте приют нелегальным студентам. — Отец делает слабый жест. — Благородно и это. Твердыня монархии дала первую трещину, — продолжает рычать господин Бурдоносков. — Народ не забудет ни катастрофы под Цусимой, ни Девятого января!

Он ходит по комнате. Крылья его визитки развеваются. Серые полосатые брюки обтянули живот. Коричневые усы блистают на солнце. У него длинноносые ботинки на пуговицах из магазина Вейсса. Господин Бурдоносков щеголеват в ту меру, насколько должен быть модно одет передовой человек. Я смотрю на его мохнатые руки. Этими сильными мохматыми руками он сдавливает горло капиталистов, ускоряя их банкротство, высккивая опротестованные векселя и неплатежи. Мне говорят дома: «Учись у господина Бурдоноскова. Посмотри, какие у него манеры, как он умеет себя держать».

В нашем доме не пьют вина. Господин Бурдоносков любит ликеры. Для него специально в всячем шкапчике держат два-три и четыреугольные бутылки с «Какао-Шуа» и «Бенедиктином». Он частый гость за обедом. Для него накрывается прибор по левую руку от отца. Господин Бурдоносков не закладывает угол салфетки за воротник и не повязывает ее вокруг шеи. Он кладет ее на колени. Я заглядываю под стол и вижу серые брюки под белоснежным передником. Мохнатые руки ломают хлеб. Он ест стремительно и шумно. Он не может долго сидеть на одном месте. Ему нужно движение. Суп с бульканьем исчезает в его широком горле. Он режет мясо, как жертву. Его лицо багровеет. Несколько коричневых волосков отклеиваются на лысине. Он имеет право на хороший аппетит, — этот человек. У него зубочистка в эдлом пенальчике на цепочке. На цепочке у него также несколько брелоков с секретам; они открываются, если отковырнуть потопком. Эти таинственные брелоки, может быть, сохраняют скрупулезные порции яда.

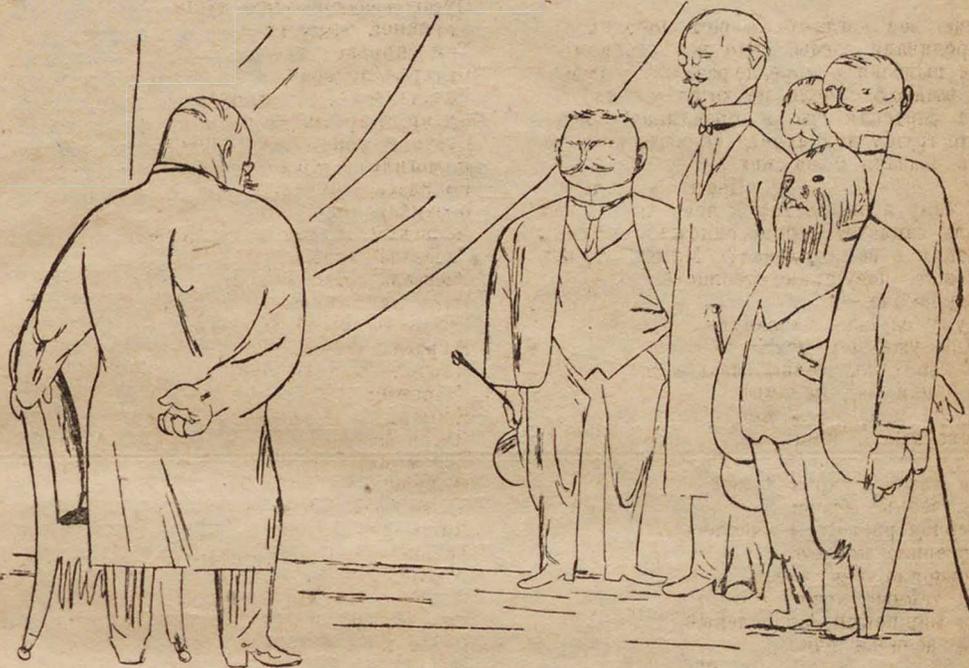
— Мы живем в беспокойное время, — говорит господин Бурдоносков, откидываясь. — Троны и монархии испытывают потрясения. Французы завоевали себе свободу. Мы к сожалению отстали. Мы проходим младенческую пору революции. — Он наклоняется к моему бесхарактерному доверчивому отцу. — Учитесь слушать музыку эпохи, — говорит он. — Учитесь завоевывать право на свободу.

Потом он ест кофий. Косточки чернослива с pistolетным стуком ударяются о тарелку. Мы учимся подражать стремительности и мастерству, с какими Бурдоносков выплевывает косточки. Нам внушают, что это можно лишь взрослым. Однажды вечером раздается звонок. Отца нет дома, он в клубе. Я вижу в передней околоточного в серой шинели. У него серебряные

погоны и ремень шапки через всю грудь. Околоточные появляются во время происшествий. Они населяют квартиру тревогой.

— Ну-с, итак, мальчик, — говорит околоточный словами господина Бурдоноскова, — покажи мне комнаты.

С черного хода одновременно появляется городской. У околоточного утиный нос и розовая цветущая экзема. За ним шествуют трое неизвестных людей. Один из них проворен и любознателен. Он открывает дверцы буфета и нюхает запахи. Околоточный садится в кресло отца и выдвигает

Через час представители фирмы были уже в его номере

ящик стола. Остальные ящики заперты. Отца вызывают домой по телефону. Ему говорят, что приехал знакомый из Киева. Околоточный роется в ящиках, читает бумаги и рассматривает вещицы. Ему нравятся машинка для обрезанья сигар. Он несколько раз задумчиво щелкает ею и расстается с ней с сожалением.

— Может быть, вы расскажете нам про студента Самсоновича, который скрывался в вашей квартире? — говорит он задумчивым голосом.

Он знает все. Я с ужасом слышу, что рыжий чудесный студент Самсонович, который учил меня гимнастике Мюллера, уже арестован. Потом я узнаю, что арестован столяр Иван Федоров, мой первый учитель. Все рушится и приходит в движение. Иван Федоров выпадает из жизни. Студент Самсонович в Таганской тюрьме. Сестра участвовала в студенческой сходке. Ее высылают в Тотму. Жизнь входит в наш дом и переставляет людей и предметы. У отца дергается веко левого глаза. Он слушает господина Бурдоноскова. Бурдоносков ходит по комнате и взмывает мохнатой рукой.

— Издержки революции, — говорит он. — Ничего не подлаешь. Ни одна революция не обходится без жертв. Хорошо еще, что уцелели вы! Нам нужны гнезда, гнезда, где можно высиживать новых птенцов.

У него довольный вид. Он только что обанкротил товарищество на паях. О банкротстве товарищества говорил весь торговый город. Капитализм трещал. Имя Бурдоноскова стало вислозвучием.

Он связан с моим детством — этот шумный человек с львиным рыканием и пафавренными усами. Он был прогрессивный человек. Он шел в ногу с временем. У него был герой — Дерулед. Он цитировал его статьи о реванше. Он возмущался процес-

сом Дрейфуса. Он сочувствовал бурям. Он ездил в Париж и привозил оттуда вольные паневы и песенки. Его крылатая шуба сохранила легенды. Его брелоки с ядами болтались на цепочке. Я хотел иметь имя, похожее на имя Бурдоноскова, и такие же лакированные ботинки на пуговицах...

Он ушел с моим детством, чтобы напомнить о себе в пору юности. Сестра прибежала ко мне. Она тыкала пальцем в газету. Газета сотрясалась в ее руке. Комиссия по обеспечению нового строя опубликовывала очередной список провокаторов. Он

значился там — вожатый моего детства — Гавриил Бурдоносков. У него была короткая клячка «Герой». Он освещал революционное движение в Москве. Я снова увидел его — в крылатой шубе, с нафабранными усами, с прилепленными волосками на лысине. Я вспоминал его поговорки, его львиное рыкание, его любовь к французским ликерам, его речи о революции, его призывы к свободе. Я видел мигающего слабохарактерного бедного моего отца, которого подавлял своим величием господин Бурдоносков.

Я видел, как жалкий потертый разблаженный герой приходил в комиссию, трясся и умолял не опубликовывать его имени. И все стало ясно: и несчастливый судьба столяра, и годы ссылки сестры, и тюремные скитания студента, и обыск в нашей квартире, и десятки мелких провалов, несчастий и опустошений. Гремучие брелоки открывались. В них были не яды, а порнографические миниатюры. Мохнатые руки душили людей. Желтый рот сладострастника изрыгал революционные лозунги.

Господин Бурдоносков! Примерный муж, за которым я должен был следовать! Я оглядывался назад и вижу вас, отрывающим век. Мы входили в него, доверчивые отроки. У нас были детские лица и розовые заусеницы на пальцах. Мы верили в мир — великодушный и гордый. Мы насаждали в гимназические праздники древопосадения тощие прутики каштанов и лип, и сейчас многолетние кроны качаются в московских садах. Но выше них росли те деревья, что посадили вы в нас: надежная ненависть к миру, который — вчерашние отроки — мы разрушили руками мужей.

ВОЗРАЖЕНИЕ

Ис. Зарубин

Рис. Евг. Ман

Клуб горел огнями праздника пролетарской революции. Играл заводской оркестр. Иван Никанорович и его жена сидели в переднем ряду. Она пришла раньше. Он

успел зайти к товарищу и опрокинуть стопочку. Жена вскакала и осматривала зал. Иван Никанорович не оборачивался. Он смотрел на сцену и готовился к выступлению. Он чувствовал улыбку и различал голос каждого присутствующего. Он слышал, как на сцене передвигают рояль. Это его бодрило. И Иван Никанорович сидел в приподнятом настроении.

На сцене появился заведующий клубом. Он объявил вечер самодеятельности открытым и сказал:

— А сейчас, дорогие товарищи, лучший ударник нашего завода Иван Никанорович Лоскутов станцует.

Зал аплодировал. Жена Ивана Никаноровича волновалась и не хлопала в ладоши.

Иван Никанорович выбежал на сцену и начал плясать.

А плясал Иван Никанорович плохо. Не потому, что он не умел танцевать, просто у него внезапно переменилось настроение.

«Почему я, собственно, танцую? Имею ли я право танцевать?» Это пронеслось

вокруг него, вокруг головы, вокруг поджака.

Иван Никанорович сам не помнил, как он кончил танец и ушел за кулисы.

Он только слышал разъяренные аплодисменты и крики.

— Иван Никанорович! Яблочко оторви! Яблочко...

Заведующий клубом дружески вытолкнул Ивана Никаноровича на сцену.

— Яблочко, яблочко — о!.. — слышал Иван Никанорович и опять начал плясать.

Жена Ивана Никаноровича волновалась. Она чувствовала неопределенную тревогу.

Неожиданно Иван Никанорович действительно прервал танец, надел шапку, которую держал в руке и начал смущенно ходить по сцене.

Зал аплодировал.

«Почему я танцую? Имею ли право танцевать?» — это опять пронеслось над головой, над шапкой, над всем залом.

В зале было тихо. Жена Ивана Никаноровича испуганно поднялась с места.

— Ваня! — тревожно позвала она, — Ваня!

Иван Никанорович, тускло улыбаясь, неуверенно ходил по сцене. Мысль, которая появилась так внезапно и которая неслась вокруг него, глубоко вошла в сознание.

Он искал кого-то. Нужно было что-то сказать. Он нашел жену, которая пробралась за кулисы, и громким шепотом произнес:

— Эти восемь деталей я выбросил в лом и никто не заметил. И никто ничего не знает. А почему я возражаю?

Некоторые думали, что это инсценировка. Но жена давно почувствовавшая неладное, начала тащить Ивана Никаноровича со сцены и совсем не была похожа на играющую.

Иван Никанорович легко сопротивлялся. Наступила спокойная минута раздумья.

Потом трахнули аплодисменты и полетели выкрики:

— Русскую, русскую, Иван Никанорович!.. Русскую!..

Иван Никанорович хотел бежать со сцены, но его не пускали аплодисменты. Тогда он вытащил жену из-за кулис и вместе с нею записался.

Зал аплодировал.

— Ну ладно, — прекратил танцы Иван Никанорович. — Поидем.

Он вместе с женой ушел домой. В этот вечер Иван Никанорович был очень ласков. Когда ложились спать, он выпустил жену под одеяло первую, а затем лег сам. Она лежала и смотрела в окно. На противоположном доме она видела прочно прикрепленный флаг.

Полежав минут десять, робко, с мучительным любопытством спросила:

— Что случилось?

Иван Никанорович чувствовал мягкое дыхание жены и медлил с ответом.

— Что? — еще раз спросила она.

— Выкинул восемь бракованных деталей, — сказал Иван Никанорович, — никто не знает. Ни одна душа, а пошел танцевать — возражение было. Ну ладно!

Он неизвестно для чего причесал пальцами волосы, повернулся и заснул.

ЗИМА

Александр Ойслендер

Уже темнело в Наробразе,
во МХАТе, во Дворце труда
Уже пугало безобразье —
падение лошадей, вода
в ботинке, —
но ни в коем разе
не уходила с площадей
зима.
Она летела наземь
холодным пухом лебедей.
А мы стояли на носту
работы
в подлинном порядке
А мы ловили высоту
в ладони, в мокрые перчатки
губами трогали ее
и принимали на ресницы...
Лети,
прекрасное сырье,
на змлю будущей пшеницы!
Дай руку, девушка!

Скорей
сквозь тихие
посылки с неба,
сквозь дым крушения...
Скорей,
еще звоном
последний
не был. —
туда, где
с синих якорей
трамвай снимается,
как судно,
где поскользнуться
так не трудно
у самой цели,
у дверей...
Нас ждет
арктический доклад,
нас ждет затосковавший полюс,
фактория, косястый клад,
торосов сахарное поле...

Поскольку все-таки зима,
предупреждение
не излишне:
— Твои глаза
цветут, как вишни
счастливые,
а ты сама
цветешь, как холодище в парке.
Ты вся, как молодость страны.
И — к черту! — на морозе жарко,
поскольку щеки зажжены
морозом.
Пристально гляди
на остров кораблекрушения:
там, как младенцы, на груди
у матери, как утешенье,
деревья снят,
и жмет осада.
Однако, стужа, уходи!
Не все же зимняя досада.
Я вижу пламя впереди.

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУНАЧАРСКИЙ

Никогда не забыть этого жестокого, холодного, декабрьского утра.

Телефонный звонок. Краткое сообщение. Укол в сердце, в мозг.

— Неужели это так? Неужели Анатолий Васильевич Луначарский умер?

Потом — еще много звонков, испуганных вопросов, проверок... Всем хотелось, чтобы это было выдумкой, какой-то глупой и неуместной шуткой...

А вечером 27 декабря во всех театрах Москвы объявили ошеломленным аудиториям о трагической вести, и оркестры играли похоронные марши...

Последний год Анатолий Васильевич болел. Его организм был совершенно распятан. Но он не обращал на это должного внимания. Он старался работать упорно, как прежде, до болезни.

Он не мог жить без труда, без творчества, которое при его блистательном таланте казалось только сверхающей ирой.

Можно определенно сказать, что не было ни одного сколько-нибудь значительного явления в области советской или зарубежной культуры, которое не нашло бы внимательного и разностороннего отклика у Анатолия Васильевича.

Деятельность его была неслыханно разнообразна.

Он был боевым соратником В. И. Ленина, и в момент раскола с меньшевиками Луначарский-Воинов наносил ренегатам рабочего класса сокрушающие удары своего сарказма.

Он был крупнейший мастер художественного слова, драматург по преимуществу.

Он был крупнейший и разностороннейший знаток советского и западно-европейского искусства всех видов — живописи, архитектуры, музыки.

Он был пламенным публицистом, смелым памфлетистом, разившим на смерть врага своей эпохи и своего класса.

Он был исключительным оратором, захватывавшим самую разнообразную аудиторию. Он выступал в первые годы революции перед неустойчивой в своих политических убеждениях аудиторией артистов и художников; он выступал на уличных митингах, на партийных собраниях, в публичных лекциях. Круг тем его был не исчерпываем.

Он говорил о роли интеллигенции в революции, о религии, о попутчиках на Западе, о зарубежной жизни, о конференциях по разоружению, о крупнейших явлениях в искусстве и жизни.

Его публичные выступления, знакомые миллионным массам, передаваемые по эфиру во все концы Страны советов, захватывали слушателей глубиной мысли и перво-классной ораторской силой.

Анатолий Васильевич был также незаурядным дипломатом, прекрасно справляющимся с теми ответственными поручениями, которые возлагала на него партия и правительство.

Перечислив многое, о многом нельзя сказать в узких рамках заметки.

Луначарский — первый нарком по просвещению пролетарского государства.

Луначарский — организатор и строитель социалистической культуры.

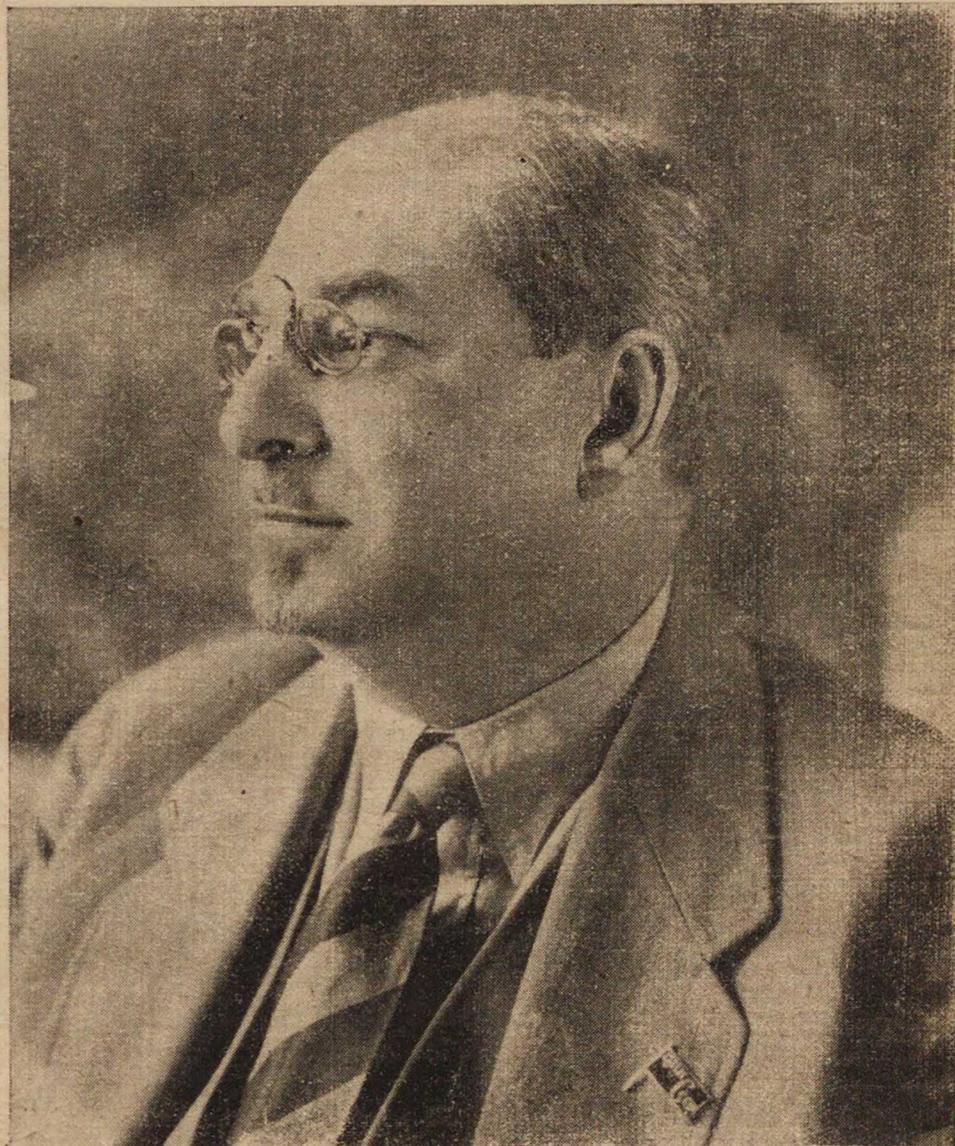
Луначарский — философ с большим мощным полетом мысли, иногда с ошибками — но всегда увлекательный, пламенный борец.

Луначарский — академик, ученый литературовед с мировым именем.

Луначарский — самый популярный советский писатель нашей страны и за ее рубежами.

Все эти стороны крупнейшей и интерес-

Последней завершенной крупной работой Анатолия Васильевича можно считать переработку для нашей сцены пьесы Романа Роллана «Настанет время» (сделанной со-

лейшей натуры безусловно явятся темой для многочисленных статей, научных работ и исследований.

Необходимо для пользы дела социалистической культуры собрать воедино разбросанное, разрозненное, огромное литературное наследие Анатолия Васильевича.

Он был необычайно скромный, этот большой человек. Щедро разбрасывая яркие мысли, острые фразы, глубокие идеи, он не заботился о том, чтобы они были запечатлены и зафиксированы.

Многое так и осталось лежать в черновых набросках, в конспектах лекций, в небрежно кинутых стенограммах.

Смерть, которая долго выдвигалась к покойному Анатолию Васильевичу, но которая все же пришла неожиданно для окружающих и для него самого, — эта смерть прервала интереснейшую работу над книгой о Бэконе, кнгой, о которой сам Анатолий Васильевич писал, что она «кажется, выходит значительной». Остались незаконченными работы о «Фаусте», этюды о Гоголе — причудливая «Гоголяна» и многое другое.

вместе с автором этих строк по указанию Роллана)...

Обычно принято в некрологах говорить о «невознаградимых потерях». Действительно, тяжела и горька потеря такого разностороннего и неистового бойца за дело пролетарской культуры, и к тому же в момент такого огромного и крупного подъема творческих сил нашей страны.

Можно было бы еще многое сказать о Луначарском — человеке, о его широкой, всеобъемлющей личности, обладавшей огромным обаянием. Об этом обаянии Луначарского знали не только те, кто были близки с ним и связаны нитями личной дружбы.

Люди пера и кисти, сцены и науки, честная старая интеллигенция и новая, рабочая, наконец, все трудящиеся Советского союза знали Анатолия Васильевича и чувствовали в нем глубоко своего, родного человека, преданного делу культуры рабочего класса, как мощного орудия международной революционной борьбы.

Ал. Дейч

ФАШИСТСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОИГРАЛА

После многоцелевого разбора дела о поджоге рейхстага лейнцигские судьи вынесли приговор, явно доказывающий провал инсценировки германского правосудия.

Поджог рейхстага—это прежде всего крупнейшая провокация против коммунистической партии Германии, это—гнуснейший предлог для того, чтобы загнать в подполье революционный класс Германии.

Мы знаем ряд подобных процессов, учиненных господствующими классами. Стоит только припомнить дело Бейлса и

коммунистическая причастна к поджогу рейхстага. Ни подкупленные свидетели, ни полицейские шпионы, приведенные на суд для показаний, не могли выдвинуть сколько-нибудь правдоподобной версии, подтверждающей заранее придуманные и подготовленные тезисы суда. Фашистские судьи не нашли ничего лучшего, как голословно заявить в своем приговоре, что «сообщников Ван-дер-Люббе следует искать в коммунистическом лагере».

Таким образом, признавая, что у Ван-дер-Люббе были сообщники, суд пытается выгородить настоящих поджигателей и свалить вину за поджог на коммунистическую партию.

Обвинительный акт представляет собой объемистый том, много сотен листов занимает судебное следствие с по-

Тов. Димитров

казаниями лжесвидетелей, утверждениями лжеэкспертов и пр. Но если все эти, с позволения сказать, материалы положить на одну чашку весов, а на другую—«Коричневую книгу», публикующую подлинные материалы и раскрывающую лицо настоящих поджигателей,—то перетянет та чашка весов, на которой лежит «Коричневая книга».

Разумеется, фашистский суд не мог назвать сообщников Ван-дер-Люббе потому, что эти сообщники отнюдь не находятся в лагере коммунизма. Подлинных сообщников суд знает, так же как знает и весь мир.

Сколько бы ни стараться заглушить сущность дела, картина теперь более, чем когда-либо ясна.

Германский фашизм понес жестокое поражение. Это поражение оказалось особенно жестоким благодаря мощному движению протеста, полняющему во всем мире, и благодаря героической борьбе четырех обвиняемых коммунистов и, разумеется, в первую очередь тов. Димитрова.

Пролетариат всего мира не должен забывать ни на минуту того, что оскалдившиеся в Лейпциге фашисты готовят новый процесс против германских революционных бойцов, в первую очередь против тов. Тельмана.

Поэтому еще громче должен прозвучать во всем мире боевой призыв: «Свободу тысячам революционных бойцов, томящихся в застенках фашистской диктатуры!»

Тов. Попов

делю Дрейфуса. Однако то обилие подлогов, к которым при бегу фашизм превосходит любые, происшедшие доныне подтасовки. В течение трех месяцев суд безуспешно пытался доказать, что

Тов. Танев

Тов. Торглер

ПАРТГРУППА

С. Абольников

«Полный мрак, начался уклон. Поезд стал ускорять ход. Он быстро развивал скорость, и скоро она превысила предельную по данному участку».

Я ехал уверенно, зная, что во всякий момент можно обить эту скорость до желанной степени, но те, которые стояли на паровозе позади меня, пережили немало волнений.

И к станции скорость поезда была снижена до предельной, и опасения, что тормоз не сдержит поезда, были ликвидированы».

Так вспоминает Казанцев испытание тормоза своей конструкции, сделанной впервые Московским тормозным заводом. Экзамен тормозники сдали на «отлично».

С первым изобретением Казанцева начался самый интересный период в биографии Тормозного завода.

На смену тормозу Казанцева пришел более совершенный тормоз Матросова. Сейчас ведется эксперимент над электропневматическим тормозом Казанцева, а машинист Северсквазказовских дорог Швагулидзе работает на Тормозном заводе над новым тормозом своей конструкции.

Поиски нового, более совершенного типа тормоза продолжаются.

На месте винного полуподвала и жалких домишек окраины вырос широко известный Тормозной завод, выпускающий лучшие в мире по конструкции тормоза и снабжающий ими железные дороги нашей необъятной страны.

В небольшой комнате второго этажа вы найдете секретаря парткома Тормозного завода тов. Найдуса. В этой маленькой комнате люди сменяются ежеминутно. Инженер цеха ВР Георгиевский пришел узнать, какие вопросы будут поставлены на пленуме Октябрьского райкома партии. Служащая райсовета пришла с жалобой к шефу на беспорядки в пионерлагере. Секретари цехачеек, парторги, бригадиры приходят за указаниями.

— Какая лучшая партгруппа на Тормозном? — спрашиваете вы.

Найдус недолго думает:

— Партгруппа Зинченко.

Парторгом Зинченко избран недавно.

До чистки о нем знали мало. Он был незаметен. Аккуратно выполнял свою норму, на работу не опаздывал, но его голос редко раздавался в цехе. В каждом товарище он находил особые, присущие ему достоинства, и поэтому он больше слушал, чем говорил.

А на трибуне партийной чистки выяснились все заслуги этого скромного рабочего-коммуниста.

Чистка была для него удивительным и радостным днем.

Свою биографию он рассказал излишне скромно. Сирота. Баграк. Пастух. Потом Красная армия. Тут научился читать и писать. С 1929 года на Тормозном заводе.

Многое недосказал; о своем горьком страшном прошлом он умолчал.

Зинченко с аппетитом работает, с аппетитом учится и учит других. Печалится из-за общественных неудач, как из-за своих личных.

Зинченко любит станок, и это на деле так, а не из-за личной выгоды. Как спорил Зинченко с администрацией, когда его хотели перебросить на другую работу! Эту любовь к станку, к производству, он внушает каждому, с кем ему приходится иметь дело, и прежде всего личным примером. Свой промфинплан Зинченко выполняет всегда до 160 процентов.

Зинченко любит оперу. Недавно он упрямил Соколова обменяться с ним сменами. Ему очень хотелось послушать оперу «Раголетто» в Калевском клубе.

Революция вырвала пастуха Зинченко из широких донских степей, от одичалой и идиллической жизни, она сделала его сознательным, творчески мыслящим бойцом, не только познающим новую жизнь, но и активно участвующим в ее созидании.

Чистка, которую прошел Зинченко, была для него открытием новых источников энергии, бодрости, молодости восходящего класса, — и не только для него, но и для всех, кто чистил и чистился.

Партгруппа Зинченко небольшая. Один член партии и три кандидата. Но эту небольшую партгруппу Зинченко сумел спаять. Нет ни одного коммуниста без нагрузки, все участвует в политических и технических кружках, все отличные работники.

Как будто особых методов у парторга Зинченко нет. Есть план, календарь, группа соревнующихся. Устраиваются систематические собрания. Основные решения партии прорабатываются на группах, в бригаде. Но ведь это же делается почти во всех партгруппах — не только Тормозного завода, но и на всех заводах нашей страны. В чем же особенность и успех партгруппы Зинченко?

В конкретности, в особом подходе к каждому рабочему. Характерно, что бригада Ласкова, в которую входит партгруппа Зинченко, наиболее устойчивая на заводе, потому что здесь каждый получает задание по его способностям, каждому отстающему оказывается товарищеская помощь, о нем говорят на специальных собраниях партгруппы или бригады, выясняют бытовые и семейные условия, перебрасывают на другой станок, инструктируют.

Когда рабочий Прокофьев недодал норму, им занималась вся бригада. Разговаривали с ним по душам и дома и на бригаде. Перевели на другой станок. Прикрепили хорошего коммуниста. И теперь, как правило, Прокофьев норму перевыполняет. Он сейчас профорг бригады.

Известен и другой случай. Рабочий Маюхин заперел тракторные звенья, оставил сменщику поломанный инструмент, станок у него был всегда грязный. Говорили с ним. Убеждали. Не помогло. Бригада поставила на вид. Не помогло. Пришлось исключить из бригады.

Каждодневная работа о человеке — это та особенность работы в партгруппе Зинченко, которая выдвигает ее на первое место среди партгрупп завода.

Зинченко ведет дневник работы партгруппы, так же как сотни тысяч парторгов нашей страны. На одной из страниц дневника можно прочесть запись: «Проведена беседа Соколова о лейбницевском процессе. Рабочие остались довольны. Он всегда умеет связать вопросы международного характера с нашими повседневными задачами».

Кто же этот Соколов?

Он только недавно приехал из деревни. Был малограмотным. Нерасторопный, замкнутый, он с трудом осваивался с заводом. А сейчас он кандидат партии. Его знают в цеху и на заводе, на глазах которых он рос и закалялся. Путь Соколова — это путь большинства рабочих завода. Его воспитал крепкий рабочий коллектив и его авангард — коммунистическая партия.

Недавно Соколов был выдвинут групп-агитатором. К каждой предстоящей беседе он заранее серьезно готовится. Он не ограничивается газетными данными, а прорабатывает Ленина, Сталина. И все же он вечно недоволен собой, ему кажется, что он плохо подготовился, что не все досказал, что остались какие-то невыясненные

В голове его был уже готов план работы на октябрь.

Бригада Ласкова, в которую входила партгруппа Зинченко, работала над деталями тормоза Матросова; в данный момент осваивалась режимная упорка. Совсем недавно, когда эта деталь осваивалась экспериментальным цехом, норма выработки на рабочий день была 3 детали, а сейчас рабочий делает без брака 33, и он даст еще большую норму, ибо он знает, что он делает.

Бригада Зинченко включилась в соревнование, взяла ряд обязательств и вызвала бригады Киселева и Ермилова. Не впервые вступала в соревнование бригада Ласкова, а в этот раз было не то. Договор был необычный. Ведь боролись за имя любимого рулевого московских большевиков тов. Кагановича.

Зинченко и Соколов работали вместе. К ним подошел бригадир Ласков.

— Ну, как, справимся, товарищ Зинченко?

— А как же, должны справиться, — спокойно и уверенно отвечал Зинченко.

Вся бригада была уверена, что она получит почетное звание. Но требовалось большое напряжение. И это напряжение партгруппа Зинченко сумела создать в бригаде.

Во время соревнования в бригаду вошли новые рабочие. Им передавались боевые традиции бригады.

— Выбирай работу, какая тебе нравится, — говорили им, — только работай добросовестно и честно. Станок держи в чистоте. Сдай экзамен по техминимуму!

К новичкам прикрепляли старых рабочих для быстрого освоения разработки деталей. Наладили выпуск бригадной стенновки, в которой регистрировался опыт каждого дня, отмечались передовики и отстающие.

Но напряженная борьба за знамя — не только в бригаде Зинченко. Так же работали и во всех бригадах завода, на всех заводах района. За почетное звание боролись все. Каждый цех выдвигал своих кандидатов на первенство в соревновании. Такого подъема тормозники еще не видели.

Бригада Ласкова, спаянная партгруппой Зинченко, нажимала. Бригадир Ласков ходил от одного станка к другому, давал короткие, ясные указания, помогал там, где это требовалось. Выработка доходила до 70 деталей в день. Этого еще не знала ни одна бригада на заводе. Работа спорилась. Она шла с огромным энтузиазмом, ибо партгруппа разъяснила каждому рабочему план и сущность соревнования. В этом необычном соревновании рождались новые силы, новые мысли, выковывались новые формы организованного социалистического труда.

Бригада Ласкова была утверждена заводской ВКК, как лучшая в цеху ВР. Ей присвоено имя тов. Кагановича.

Партгруппа Зинченко. Слева направо: бригадир тов. Ласков, групп-агитатор тов. Соколов, парторг тов. Зинченко.

Фот. Е. Микулиной

вопросы, и только расспросив рабочих об их впечатлении от беседы, он заметно успокаивается.

Соколову партийная группа помогла устроиться на учебу. Партгруппа следила за его успехами, помогала ему. И эта забота дала ему больше уверенности и энтузиазма.

Ранним октябрьским утром Зинченко идет на завод. Часы у Бутырской тюрьмы показывают половину седьмого. Завод здесь рядом, на Лесной. Значит он придет в цех первым.

Зинченко думал о вчерашнем заседании. О выступлении секретаря райкома тов. Андреева.

Объявить соревнование между ударными бригадами за лучшие качественные и количественные показатели. Тем бригадам, которые покажут лучшие образцы борьбы за промфинплан, присвоить имя тов. Кагановича».

«Обидно будет, если наша бригада не добьется этого звания», — думал Зинченко.

Несмотря на то, что бригада считалась лучшей по заводу, Зинченко мечтал о том, чтобы сделать ее образцом для всего Тормозного.

Школы для комсомольцев, согласно лозунгу ЦК ВЛКСМ — «каждому комсомольцу среднее образование» — организуются на крупных предприятиях Советского союза.

На снимке: академик Хаблуков, который первым из крупных ученых взялся за преподавание комсомольцам московских предприятий и подписал обращение ко всем научным работникам, призывающее включиться в эту работу.

Забота о детях рабочих и колхозников, занятых на работе, поставлена в Советском союзе на высокий уровень.

На верхнем снимке: комната грудных ребят на шахте № 18 им. Сталина (Донбасс), круглые сутки обслуживающая 67 детей работниц шахты. На

нижнем снимке: дети рабочих совхоза Чапниково (Солнечногорский р-н, Московской обл.) в яслях.

Десятки миллионов колхозников, став на путь организации коллективного хозяйства, подняли производительность труда и свой уровень жизни. Претворя

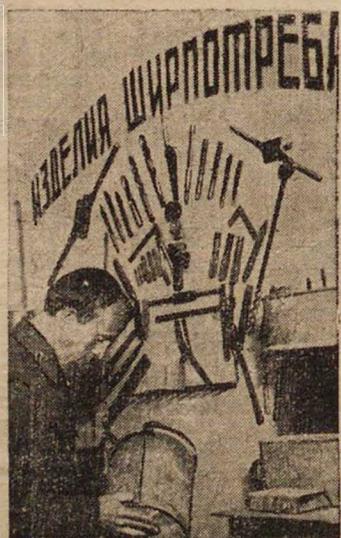
я в жизнь указания вождя партии тов. Сталина, десятки тысяч колхозов стали в этом году зажиточными.

На снимках: вверху — товарищеский обед в колхозе «Борьба» (Солнечногорского рай-

она, Московской области) в день окончания распределения урожая по трудодням. Внизу — ударники-трактористы Лабинской МТС (Сев. Кавказ) слушают патефон, приобретенный политотделом для лучшей бригады.

Ширпотреб из утиля выработывается многими заводами СССР. Специальный цех Тульского металлзавода образцово поставил производство из утиля предметов

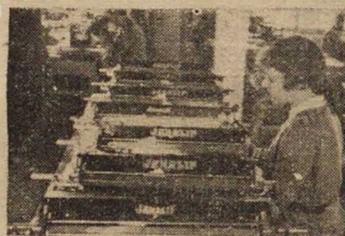
домашнего обихода и мелкого с.х. инвентаря. На снимке: уголок выставки предметов ширпотреба в клубе Тульского завода.

Производство пишущих машинок в СССР успешно развивается. Два завода — Ленинградский и Казанский им. Агамалы-Оглы — из года в год повышают выпуск пишущих машинок и таким образом Советский союз и в этой отрасли освобождается от импорта.

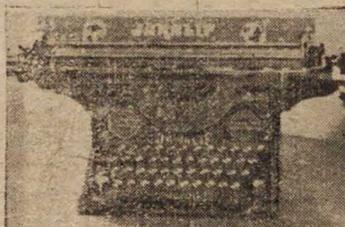
Себестоимость машинки ленин-

градского завода доведена до 1900 руб. (4850 руб. в 1932 г.). Казанский завод им. Агамалы-Оглы выпускает машинки «Яналиф» с русским и латинским шрифтами. Производство этих

двух заводов сэкономило для СССР в 1933 г. десятки тысяч рублей золотом. На снимках: вверху — проверка качества сборки пишущей

машинки на ленинградском заводе; ниже — последняя операция по выпуску машинок в сборочном цехе Казанского завода; внизу — машинка «Яналиф».

Разведка новых буровых из года в год меняет лицо наших нефтепромыслов.

На снимке: топографическая съемка новых буровых Азнефти на промысле им. Орджоникидзе (Баку).

На московском Мясокомбинате, который скоро вступит в строй, начались испытания механизмов. В декабре состоялся пробный пуск комбината. Пропускная спо-

собность комбината рассчитана при работе в две смены на 1800 голов крупного рогатого скота, 500 телят и 4800 свиней.

На снимке: испытание конвейера в разделочном цехе.

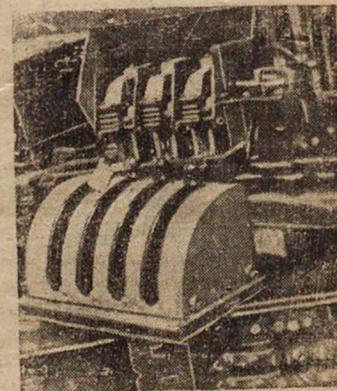
Текущая рабочая сила на шахте им. Ильича (Кадиевка) резко снизилась в результате улучшения бытового обслуживания рабочих. 18 общежитий, в кото-

рых живут 1500 шахтеров, приведены в образцовый порядок.

На снимке: красный уголок лучших ударников производства.

На Метрострое (Москва) работы ведутся напряженным темпом. Завод «Динамо» уже готовит

электрооборудование для первой линии метрополитена.

На снимке: контроллер вожатого.

Борьба за пересмотр Версальской системы. Германские предложения об увеличении армии до 300 тысяч человек и вооружении ее легкими танками и т. п. встречают категорические возражения со стороны Франции. Беседы с Гитлером французского

просу о франко-германских переговорах. Общее внимание заострено на позиции британского правительства, которое продолжает свою политику попыток добиться соглашения между Францией и Германией в вопросе разоружения.

На снимке: французский посол в Берлине Франсуа Понсе (справа) беседует с германским генералом фон-Сектом.

Кабинет Шотана во Франции. После кратковременного пребывания у власти кабинета Сарро

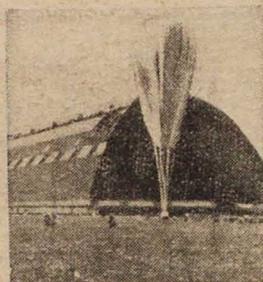
Шотан сформировал новое правительство. Финансовый законопроект Шотана принят палатой, которая таким образом выразила доверие правительству. Печать подчеркивает, что временная победа одержана Шотаном только благодаря тому, что социалисты воздержались от го-

лосования. «Тан» отмечает при этом противоречия, возникшие в рядах сторонников кабинета, и предсказывает, что и кабинет Шотана окажется недолговечным.

На снимке: новый премьер-министр Шотан (справа) встречается на вокзале в Париже Эррио (в центре), возвращающегося из санатория, в котором он находился на излече-

Полет американского стратостата. Два американских воздухоплавателя: лейтенант морского флота Сэттль и Фордней поднялись в стратосферу на стратостате «Век прогресса». Стратостат лейтенанта Сэттля имеет объем 600 тыс. куб. футов; диаметр стратостата — 35 метров. Гондола, имеющая шарообразную форму, сделана из особого легкого металла; она приспособлена для плавания на случай посадки на воду и снабжена радио. Стратостат Сэттля поднялся приблизительно на высоту 17 700 метров из Акрона (штат Огайо). Воздухоплаватели все время сообщались по радио с различными городами. Когда балласт истощился, им пришлось выбросить из гондолы радиобатарей и некоторые другие инструменты для того, чтобы

предупредить слишком быстрый спуск стратостата. Около шести часов вечера Сэттль и Фордней

спустились в ненаселенной болотистой местности юго-западной части штата Нью-Йорк.

На снимке: стратостат Сэттля перед полетом.

Там, где текут молочные реки... В мировой печати неоднократно помещались сообщения и снимки американских фермеров, которые предпочитают выливать молоко в реки, нежели продавать его по крайне низким ценам, установившимся вследствие перепроизводства с.-х. продуктов. Теперь молочные реки текут и в Венгрии. Венгерское правительство издало за-

кон, по которому крестьяне, торгующие молоком в больших городах, должны продавать свои продукты не потребителям непосредственно, а потребительским обществам по твердым ценам. В виде протеста против этого закона будапештские молочницы или, как их называют, «молочные матушки» выливают молоко на землю

у городской заставы, если им не удастся обмануть бдительность полицейских и пронести под каким-нибудь прикрытием бидоны с молоком в город. «Молочная война» ведется в Будапеште уже несколько недель.

На снимке: «молочные матушки», выливающие свой товар на землю.

посла в Берлине, Франсуа Понсе, и встречи германского посла в Париже Кестера с министром Поль Бонкуром, остались безрезультатными. Понсе выразил Гитлеру несогласие французского правительства и отказался от обсуждения деталей. На заседании Совета министров Поль Бонкур сделал доклад о состоявшемся обмене мнений между различными странами по во-

Редактор **МИХ. КОЛЬЦОВ.**

Адрес редакции: Москва, Страстной бульвар, 11

Издатель—Журнально-газетное объединение

Уполн. Главлита В-7642)
З. Т. 1563

Изд. № 365. 165000 экз. в 6 л. Сл. набор 16 XII подп. к печ. 31/XII. Стат А4—210×297. Кол. б. л. 1,25. Техред Н. Ахрал
Ипечатано в 7-й типографии «Искра Революция» Мособлполиграф. Москва, Арбат, Филипповский пер., 13

Тираж 190,000

ТЕХНИКЕ РОСПИСИ

(разрисовка) по всевозможным материям и материалам заочно обучают госкурсы Сокольнического культурмассового сектора. Умение рисовать необязательно. По окончании выдается свидетельство. Подробности за 50 коп. марками.

Москва, Сухаревская пл. Панкратьевский пер., 9/10 Курсы

КНИГИ ПОКУПАЕМ

старых и новых изданий

Списки, запросы направлять: Москва, Арбат, 31, „Горширторгин“

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПЛИТКА

Можно жарить, варить, кипятить и т. д. Частично обогревает. Пригодна на 110—120 вольт. Стоимость 30 р. с добавочной запасной спиралью (намотка). Высылаются наложенным платежом при получении задатка 12 р. Упаковка и пересылка за счет заказчика.

Киев. Почта Бессарабка, почт. ящ. № 8 Гельфгату

ИНТЕРЕСНО И ЗАНИМАТЕЛЬНО для ВСЕХ

особый способ техники письма: Звонкий практический курс, как писать и читать «ЛАНГЕНШРИФТ» (загадочные надписи) С таблицами, высыл. всем за 5 р.

Заказы и деньги направлять:

МОСКВА ЦЕНТР, абон. ящ. № 821, автору М. М. МЕДВЕДОВСКОМУ.

Свой адрес пишите ясно.

Еще не поздно подписаться с февраля на 1934 г.

ОГОНЕК РОСТ

двухнедельный, массовый, общественно-политический иллюстрированный журнал под редакцией Мих. КОЛЬЦОВА.

Подписная цена: 12 мес. — 6 р., 6 мес. — 3 р., 3 мес. — 1 р. 50 к.

двухнедельный, массовый, литературно-художественный журнал, освещающий вопросы массового литдвижения и ведущий работу с молодыми писателями.

Подписная п.: 12 мес. — 6 р., 6 мес. — 3 р., 3 мес. — 1 р. 50 к.

ЖИЗНЬ замечательных ЛЮДЕЙ

2-я серия биографий, издающаяся при ближайшем участии М. ГОРЬКОГО.

В 1934 году будут изданы биографии: Желябова, Вагнера, Фр. Бексина, Бальзака, Вольтера, Магеллана, Эдисона, Лермонтова, Салтыкова-Шchedрина, Франклина, Урлик фон Гутен, Чехова, Леснардо да Винчи, Марата, Лассалы, Бессемера, Радищева, Форда, Некрасова, Майера и др.

Подписная цена: 12 мес. (24 кн.) — 25 р. 20 к., 6 мес. (12 кн.) — 12 р. 60 к., 3 мес. (6 кн.) — 6 р. 30 к.

Библиотека ОГОНЕК

серия книжек—печатает лучшие произведения советских и иностранных авторов.

Подписная цена: 12 мес. (72 кн.) — 12 р., 6 мес. (36 кн.) — 6 р., 3 мес. (18 кн.) — 3 р.

Подписка принимается: Москва 6, Страстной бул. 11, Жургазобъединение и повсеместно почтой и отделениями Союзпечати.

Журнально-газетное объединение

Продолжается подписка на 1934 год

ЗА РУЛЕМ

Орган ЦС Автодора, массовый популярный двухнедельный иллюстрированный журнал, освещающий вопросы автостроения, автоэксплуатации, дорожного строительства и др. Подписная цена: 12 месяцев — 7 руб. 20 коп., 6 месяцев — 3 руб. 60 коп., 3 месяца — 1 руб. 80 коп.

АВТОДОР

двухнедельный бюллетень, освещающий опыт автодоровской работы, вопросы за укрепление автодоровских рядов. Подписная цена: 12 месяцев — 3 руб. 60 коп., 6 месяцев — 1 руб. 80 коп., 3 месяца — 90 коп.

БИБЛИОТЕКА ЗА РУЛЕМ

популярно-техническая серия книжек, посвященная различным вопросам автотракторного и дорожного дела и могущая служить учебным пособием для автодоровского актива, учащихся автодорожных курсов и техникумов и гаражных работников. 24 выпуска в год. Подписная цена: 12 месяцев — 9 руб., 6 месяцев — 4 руб. 50 коп., 3 месяца — 2 руб. 25 коп.

Подписка принимаетея: Москва 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобъединение и повсеместно по почте и отделениями Союзпечати. Жургазобъединение

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ

НА ВСЕ ТОВАРЫ КАК ЭКСПОРТНЫЕ, ТАК И ИМПОРТНЫЕ ПРИНИМАЮТСЯ
ВО ВСЕХ
МАГАЗИНАХ

ТОРГСИНА

При сдаче заказа уплачивается полная стоимость товара по ценам прейскуранта.

Упаковка и пересылка за счет Торгсина.

Срочное и аккуратное исполнение заказов гарантируется.

Товары лучшего качества. Продажа на золото, серебро, бриллианты, а также на иностранную валюту.

ГОС. ХИМ. ФАРМ. ЗАВОД «ФАРМАКОН» ЛЕНИНГРАД

СПЕРМИН по проф. ПЕЛЮ

КЛИНИЧЕСКИ ИСПЫТАН
И ПРИМЕНЯЕТСЯ В ТЕЧЕНИИ 30 ЛЕТ

*при неврастении,
половом бессилии,
старческой слабости,
артериосклерозе
и малокровии*

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ
САНИТАРИИ И ГИГИЕНЫ С. С. С. Р.

ИМЕЮТСЯ ТАКЖЕ В ПРОДАЖЕ:

ОВАРИН, ФОЛИКУЛЕН, МАММИН,
ПИТУИТРИН, ТИМОФИЗИН, АСТМОЛИЗИН.

ДИРЕКТОРАТ

Посылочной торговли

ГОРТ

Москва, Мо-
сковская,
26/7.

КУЛЬТТОВАРЫ В МАССЫ!

МЫ БЫ СЫЛАЕМ по почте и железной дороге в любой пункт Союза общественным организациям, коллективам и отдельным заказчикам: АЛЬБОМ «ЛЕНИН»

Сектор наглядных пособий Посылгорта к десятилетию со дня смерти В. И. Ленина высылает большую документальную художественную фотосерию альбом «Ленин». Выпускаемая ко дню десятой годовщины смерти Ленина, серия является материалом, могущим быть широко использованным в партшколах, кружках, музеях, домах культуры, клубах, красных уголках и т. п., так и в качестве иллюстративного материала для наглядной популяризации жизни и деятельности Ленина.

Фото и текст в целом составят серию в 100—120 листов, размером 24×30 и 18×24. Цена серии (ориентировочно) размером 18×24—120 р.; 24×30—200 р. Диапозитивы на пленке.

Жизнь и работа Ленина 300 кадров цена 35 р.
История гражданской войны.

Получены и высылаются следующие серии:

1. Февральская революция — 7 р. 70 к. 2. Приезд Ленина. — 6 р. 58 к.
 3. Июльские дни — 6 р. 16 к. 4. VI съезд партии — 6 р. 58 к. 5. Корниловщина — 6 р. 30 к. 6. Потерянный день — 9 р. 80 к. 7. Октябрь на Украине — 10 р. 50 к. 8. На подступах Февральской революции — 4 р. 76 к. 9. Октябрь в Прибалтике — 10 р. 78 к. 10. Революция в Финляндии — 10 р. 38 к.
- В январе—марте 1934 года будет выпущено 60 серий (три тома). Стоимость трех томов (ориентировочно)—500 р. Аппарат для демонстрирования диапозитивов на пленке «Алоскоп»—155 р.

Музыкальные инструменты:

- Балалайки с механ. колками — 25 р., 30 р., 35 р., 50 р., 65 р.
Самоучители — 1 р. Гитары — 50 р., 60 р., 150 р., 200 р. Самоучители — 3 р. 45 к. Мандолины — 35 р., 50 р., 85 р., 100 р. Самоучители — 1 р. 50 к. Скрипки со смычками — 100 р., 250 р. Самоучители — 3 р. 25 к. Барабаны оркестровые большие — 195 р. Барабаны оркестровые малые — 75 р. Домровый оркестр (4-струнный) на 9 чел. — 1630 р. Мембраны для граммофонов — 15 р. Механические колки: для 4-струнной балалайки компл. — 3 р. 50 к.; для 6-струнной балалайки компл. — 9 р.; для гитары компл. — 10 р. 50 к.; для мандолины компл. — 16 р. Струны (лучшей выработки): для скрипки жильные за 10 шт. ЛЯ — 8 р., РЕ — 8 р. 50 к., СОЛЬ — 6 р. Для виолончели жильные за 10 шт. ЛЯ — 16 р. 50 к., РЕ — 24 р., ДО — 37 р. Для балалайки стальн. за 100 шт. — 3 р. Для гитары — 1-я за 100 шт. — 5 р. Для гитары аккорд 5 ак. — 5 р. Для мандолины 1-я и 2-я за 100 шт. — 3 р. Для мандолины аккорд за 8 ак. — 6 р.

Диапозитивы на стекле по ПВО:

1. Боевая работа противопожарного отделения унитарной команды — 10 р. 50 к. 2. Боевая работа санитарного отделения унитарной команды — 10 р. 75 к. 3. Боевая подготовка отделения разведки унитарной команды — 19 р. Боевая работа дегазационного отделения (действие в очаге поражения) — 10 р. 75 к. Боевая работа унитарной команды — 10 р. 75 к. 6. Определение надежности дегазации — 10 р. 7. Плавание — 10 р. 8. Маскировка пунктов и обект. ПВО — 10 р. Проекционный фонарь для электросети — 102 р. 40 к.

Диапозитивы на стекле по обществоведению:

- Экономическое развитие стран Западной Европы — 8 р. 75 к. Борьба за независимость Североамериканских колоний — 4 р. 50 к. Английская революция — 6 р. 25 к. Проекционный фонарь с карбидом освещением для демонстрирования диапозитивов — 124 р. 65 к. Экран размером 150×175—36 р.

Канцтовары:

- Стеклограф — 65 р. Реактив за 3 месяца — 110 р. Ротатор в развернутый лист — 85 р. Ротатор а 1/2 листа — 80 р. Восковка шелковая — 75 р. Восковка бумажная — 10 р. и 14 р. Сетка к ротатору — 3 р. 50 к. и 7 р. Краска для ротатора — 5 р. 25 к. кг. Арифмометры завода «Кирия» системы «Талес» — 1365 р. Арифмометры системы «Феликс» — 365 р. При выпуске стеклографа, ротатора и восковки необходимо представлять решение милиции.

В указанные цены включены расходы по таре, упаковке, почтовому и железнодорожному тарифу. Заказы высылаются по получении стоимости товара. Срок выполнения заказа—месячный со дня поступления денег. Заказы и деньги шлите по адресу: Москва 12, Московская, 26/7, Директорат посылочной торговли ГОРТ. Наш расчетный счет в Московской областной конторе Государственного банка № 6757.

Посылгорт высылает также радиопринадлежности, предметы санитарии и гигиены, наглядные пособия, фотопринадлежности, канцтовары и др.

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ.

Каталоги высылаются по получении 20 коп. почтовыми марками.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1934 г.

АРХИТЕКТУРА СССР

орган Союза советских архитекторов.
Подписная цена: год—72 р., 6 мес.—36 р., 3 мес.—18 р.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ставит своей задачей марксистско-ленинскую разработку истории русской общественной мысли и истории литературы.
Подписная цена: год—42 р., 6 мес.—21 р.

ТЕАТР и ДРАМАТУРГИЯ

общественно-политический, художественный журнал театра, драматургии и критики.
Подписная цена: год—72 р., 6 мес.—36 р., 3 мес.—18 р.

СОВЕТСКОЕ КИНО

орган Российской ассоциации революционной кинематографии.
Подписная цена: год—18 р., 9 р., 3 м.—4 р. 50 к., 1 м.—1 р. 50 к.

Подписка принимается: Москва-6, Страстной бульвар, 11, Жургазобъединение и повсеместно почтой и отделениями Союзпечати.

Жургазобъединение

НАРКОМЗДРАВ РСФСР

Центральный государственный институт эндокринологии в Москве.

Стандартизованный и клинически испытанный препарат

ЖЕНСКИЙ ПОЛОВОЙ ГОРМОН

с успехом назначается врачами при недостаточности яичников, задержке и неправильных месячных, половом недоразвитии, в переходном возрасте (климактерии) и ожирении. В ампулах для подкожного применения (по 1 ампуле ежедневно, повторные 2—3 нед. курс лечения).

Продается во всех аптеках.

Адрес института: Москва, Петровский парк, ул. Мичкина, 56, Телефон Д 3 87-51.

ПЕЧАТНЫЙ ПРИБОР

„Гутенберг“ необходим и полезен каждому. Всякий может сам легко составить и печатать любой текст, бланки, конверты, карточки, повести, счета, стихи, нмн, отчеты, фамилию и пр. 250 каучук. букв, цифр, знаков и украшений с принадлеж. и руководством.—7 р., 500 букв.—14 р., 750 б.—20 р., 1000 б.—25 р. пересылка за счет заказчика. Высылается нажм. платеж. по получ. задатка 5 р. В переводе необходимо четко и ясно указать свой адрес. Адрес: Одесса, ул. Ленина, 23/0, БРАЧ Изготавливает всевозможн. штампера и печати.

ПОРТРЕТ худож. увелич.

исполнение с любой фотокарточкой размером с паспарту 32×40, черн.—25 р., тон сепии (коричн.)—32 р., с упак. и пересылкой. Ланом дороже на 2 руб.

Задаток 10%. Исполнено 15 дней, карточка возвращается. Москва 47, Б. Грузинская, 75, кв. 27. Художн.-фотограф Л. В. САМОЙЛОВИЧ

ПЕЧАТНЫЙ ПРИБОР

„Гутенберг“ необходим и полезен каждому для печатания бланков, конвертов, именн, отчетов и фамилий, стихов, повесток и пр. 220 кауч. букв, цифр, знаков и украшений с принадлеж. и руководством. 8 р. 50 к. 320 букв. . . . 12 р. — То же 500 букв. 15 р. — Пересылка за счет заказчиков. Высылается по получении задатка в 5 рублей. Производство Е. И. Генфайнштейн. Одесса, ул. Зиновьева, 36/5.

ПОРТРЕТ

Художественно увеличенный можно получить, пригласив любую фотокарточку. Цена за 32×40 (разм. с паспарту) в черн. тоне — 25 рублей, в тоне сепии (коричн.) — 35 рублей с упаковки и пересылкой. Задаток 50%.

Адр. для писем и денег: Москва, 9, почт. ящ. 346 „ФОТОАРС“, М. РУВИНШТЕЙН

УХОД ЗА КОЖЕЙ

Веснушки. Загар. Угри. Прыщи. Бородавки. Морщины. Краснота носа. Пятна. Потливость. Мозоли. Письменное руководство для борьбы с этими дефектами высылается за 5 рублей.

УХОД ЗА ВОЛОСАМИ

Выпадение. Облысение. Поседение. Окраска. Удаление. Цена тоже 5 р. Оба руководства высылаются за 7 р. 50 к. Адрес: Киев, Бессарабка, автору Анне Ставевич, абонемента ящ. № 5.

ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ

ОБЛИГАЦИИ

ЗАЕМ

3-ГО РЕШАЮЩЕГО ГОДА ПЯТИЛЕТКИ (беспроцентно-беспроигрышного выпуска).

23 тираж выигрышей произвоидлся в г. Казани 10 и 11 декабря 1933 г.

Выигрыши выпали на следующие номера серий и облигаций

№№ сер.	№№ обл.	Размер выигр.	№№ сер.	№№ обл.	Размер выигр.	№№ сер.	№№ обл.	Размер выигр.
0101	76*	200	4138	1—100	50	7987	63*	200
04-1	78*	200	4208	27*	200	8022	69*	200
0557	78*	500	4541	65*	500	8034	60*	200
0641	31*	200	4620	15*	500	8078	1—100	50
0689	32*	200	4794	58*	200	8138	19*	200
0776	20*	500	5034	48*	200	8353	82*	200
0801	75*	200	5330	79*	500	8426	71*	500
0829	15*	200	5443	83*	200	8449	22*	200
1165	04*	500	5564	21*	200	8491	1—100	20
1224	04*	200	5573	92*	500	8496	1—100	50
1358	18*	500	5574	31*	500	8707	80*	200
1459	87*	200	5590	94*	500	8712	51*	500
2043	03*	500	6057	65*	200	8726	69*	200
2320	84*	200	6077	1—100	50	8805	74*	200
2460	30*	200	6080	08*	500	8850	39*	500
2912	38*	200	6151	98*	200	8954	99*	200
2959	81*	200	6369	89*	200	9045	45*	200
2968	29*	200	6400	52*	200	9049	02*	200
2994	34*	500	6648	86*	200	9236	55*	500
3104	1—100	100	6776	64*	200	9365	93*	500
3257	91*	200	7090	25*	200	9424	1—100	50
3381	99*	200	7235	86*	200	9609	100*	200
3583	46*	200	7250	58*	500	9888	90*	500
3672	11*	500	7318	97*	500	9932	99*	200
3734	64*	200	7401	29*	200	9968	40*	200
3881	22*	200	7468	1—100	50	9985	80*	200

* Остальные 99 номеров облигаций этой серии выиграли по 20 рублей каждая.

Открыта подписка на 1934 год

ГИХЛ КОГИЗ

ни литературно-художественные журналы:

ГИХЛ — МОСКВА

ЛЕНГИХЛ

Красная новь

Ежемесячный журнал художественной литературы, критики и публицистики. Орган оргкомитета Союза советских писателей РСФСР.

Подписная цена: на год—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р. Цена отдельного номера—2 р.

Звезда

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

Орган оргкомитета Ленинградского союза советских писателей.

Подписная цена: на год—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р. Цена отдельного номера—2 р.

ОКТАБРЬ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

Орган оргкомитета Союза советских писателей РСФСР.

Подписная цена: на год—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р. Цена отдельного номера—2 р.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК

Ежемесячный литературно-художественный журнал.

Подписная цена: на год—21 р., на 6 мес.—10 р. 50 к., на 3 мес.—5 р. 25 к.

Цена отдельного номера—1 р. 75 к.

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

Новый литературно-художественный и общественно-публицистический иллюстрированный ежемесячный журнал.

Задача журнала—показ опыта работы политотделов, опыта работы передовых колхозов и совхозов и роста колхозной и совхозной стройки.

Подписная цена: на год—18 р., на 6 мес.—9 р., на 3 мес.—4 р. 50 к. Цена отдельного номера—1 р. 50 к.

ЗАЛП

Ежемесячный литературно-художественный и критический массовый журнал, содействующий обороне СССР средствами художественной литературы и искусства.

Подписная цена: на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р. Цена отдельного номера—1 р.

30 ДНЕЙ

Первый в СССР художественный и научно-популярный иллюстрированный ежемесячный журнал в красочной обложке.

Подписная цена: на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р. Цена отдельного номера—1 р.

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Журнал массово-литературного движения в помощь творческой работе начинающего писателя, работника, селькора, критика и рабочего рецензента.

Ответственный редактор М. ГОРЬКИЙ. Выходит 10 раз в год.

Подписная цена: на год—8 р., на 6 мес.—4 р. Цена отдельного номера—80 к.

Интернациональная ЛИТЕРАТУРА

(На русском языке) Центральный орган международного объединения революционных писателей МОРП.

Выходит 6 раз в год. Подписная цена: на год—9 р., на 6 мес.—4 р. 50 к.

Цена отдельного номера—1 р. 50 к.

РАБОЧИЙ и ТЕАТР

Ежедекадный иллюстрированный журнал, посвященный вопросам театра, музыки, кино и эстрады.

Орган массового отдела Ленсовета. 10-й год издания.

Выходит 36 номеров в год. Подписная цена: на год—14 р. 40 к., на 6 мес.—7 р. 20 к., на 3 мес.—3 р. 60 к.

Роман-газета

Ежемесячный массовый журнал художественной литературы.

Подписная цена: на год—6 р., на 6 мес.—3 р., 3 мес.—1 р. 50 к. Цена отдельного номера—50 к.

Цена отдельного номера—40 к.

Подписка принимается всеми отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными КОГИЗ, а также всюду на почте.

КОГИЗ — Гл. контора подписных и периодических изданий. Москва, Маросейка, 7, Телеф. 5-65-19.

СПЕРМОКРИН

НАРКОМЗДРАВ РСФСР
Центральный институт
эндокринологии

Рекомендуется врачами при неврастении (последствия раннего онанизма), старческой слабости, артериосклерозе, при истощении после тяжелых болезней.

Жидкий (30—40 капель 2—3 раза в день). В ампулах (под кожу 1 ампула ежедневно). В таблетках (по 1 таблетке 3—5 раз в день).

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ.

Адрес института: Москва, Петровский парк, ул. Мишина, 56. Телефон Д 3 87 51.

АНЛ. и НЕМ. языки

БЕЗ ОТРЫВА ОТ ПРОИЗВОДСТВА
ПОСОБИЯ ОБЩИЕ И ПО ОСНОВНЫМ
СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРОМЫШЛ. И С.Х.
КУРСЫ ПЕРЕДАЮТСЯ

по РАДИО.
условия ОБУЧЕНИЯ, СНАБЖЕНИЯ
ПОСОБИЯМИ ВЫСЛАЮТСЯ
ЗА 30 КОП. МАРКАМИ

ЦЕНТР. ИН-ТУТ ЗАОЧН. ОБУЧ.
ИН-93 МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ,
М. ХАРЬТИНЬСКИЙ пер. 4.

ВАЖНО

для колхозов, совхозов, МТС, изб-читален, клубов, жактов и отдельных заказчиков.
**УНИВЕРСАЛ КУЛЬТОВАРОВ
„ЛЕНПРОМТОРГА“**
высылает почтой, по получении полной стоимости, стандартные посылки:

№ 1—портативный граммофон (патефон) Гатчинской ф-ки «Грамофон», 10 шт. граммофонных пластинок и коробку иголок. Цена 255 р.

№ 2—Балалайка 8-струнная, дополнительный комплект струн и самоучитель. Цена 39 р.

№ 3—Балалайка 6-струнная, дополнительный комплект струн и самоучитель. Цена 40 р.

№ 4—Мандолина плоская, дополнительный комплект струн и самоучитель. Цена 40 р.

№ 5—Мандолина овальная, дополнительный комплект струн и самоучитель. Цена 54 р.

№ 6—Гитара, дополнительный комплект струн и самоучитель. Цена 60 р.

Все струнные инструменты Ленинградской ф-ки им. Луначарского. В стоимость стандартной посылки включены расходы по упаковке и пересылке.

Заказы и деньги адресуйте: Ленинград П, Гостинный двор, Садовая линия, пом. 67-68-69, Универсалу Культуроваров «Ленинпромторга».

ТРЕБУЙТЕ ПРОСПЕКТЫ

ВТО ГРИМ, ПАРИКИ, ПЬЕСЫ и МАСТЕРСКИЕ

МАГАЗИН, ЛАБОР
ВСЕРОСС. ТЕАТРАЛЬНОГО О-ВА

ГРИМ И ГРИМИРОВАЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	
Набор	Цена
Набор грима б/р	3 —
Набор грима с/р	2 65
Набор грима м/р в картон. кор.	2 20
Набор грима в карандашах	3 —
Тона грима в карандашах № 1, 2, 3,	— 75
Тона грима в карандашах остальных цветов	— 35
Сухие румяна в порошке б/р	1 14
Паста для снятия грима	1 10
Ваза для грима	— 80
Каранда. для бров. в бум. пен. (черн., и ржич. штен)	1 —

ПАРИКИ И ДР. ВОЛОСЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ	
Русские парики	Цена
Русские парики тressованн. со лбом	80 —
Русские парики тressованн. б/лба	30 —
Полов. парики тressованн.	22 —
Город. парики тressов. со л	30 —
Город. парики б/л	30 —
Льские тressованн. разн. цв.	19 —
Стриж. тressованн. на тьюле	42 —
Бобр. тressованн. на тьюле	45 —
Дамские с косами тressованн. на тьюле темн. цв.	67 —
Дамские с косами тressованн. на тьюле светлые	67 —
Дамские под прическу тressов. на тьюле темн. цв.	55 —

МАЛЫЕ ФОРМЫ клубного зрелища на правах рукописи	
Баран № 5 — Н. Архипова	Цена
Баран № 5 — Н. Архипова	3 50
Барыя благочестия — А. Ирошников	5 —
Два груза — А. Ирошников	4 —
Настоящая партия — Крестьян	4 —
Наступление — П. Арский	5 —
Синяя склянка — Арк. Булов	4 —

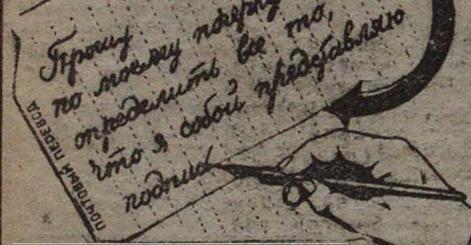
Как гримироваться — П. Саввин и Б. Мурашов. Цена 2 р. 50 к.
Четыре героя второй пятилетки — Сборник статей. П. Саввин. Цена 2 р. 75 к.
Комсомол и театр — сборник статей, под редакцией П. Саввина. Цена 60 к.
ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ: 1. В росписном издании плакат-руководство кружковцам «Как гримироваться» в 22 сериях. Цена каждой серии 2 р.
2. Билетные книжки для клубов и кино. Цена книжки (500 билетов) 1 р.

ЗАКАЗЫ высылаются и вложенным платежом без задатка. ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ: Москва 9, Советская плоч., 28 о магазин ВТО.

ХАРАКТЕРИСТИКУ ЛИЧНОСТИ ПО ПОЧЕРКУ

ВЫСЛАЕТ ГРАФОЛОГ — ЭКСПЕРТ
А.М. Кожебаткин
ПО ПОЛУЧЕНИИ 7 РУБ.
Адрес: МОСКВА 9, ул. Горького 17, кв. Ян 1242

НА ПОЧТОВОМ ПЕРЕВОДЕ НАПИСАТЬ
СВОИ ТОЧНЫЙ АДРЕС И ЭТОТ ТЕКСТ
ДЛЯ АНАЛИЗА

Допускается наложение платежей на 7 руб. при получении 2 руб.

ГОВОРЯТЕ ЛИ ВЫ ПО-НЕМЕЦКИ?
Практический самоучитель для быстрого изучения немецкого разговорного языка. Цена 4 р. 75 к.

РАЗГОВОРНЫЙ РУССКО-НЕМЕЦКИЙ СЛОВАРЬ
857 страниц. Цена в рознице 11 р., с пересылкой 32 р. 40 к.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА. Цена 1 р. 75 к.
КАК САМОМУ НАУЧИТЬСЯ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ (методич. пособие) Цена 1 р. 25 к.

Книги высылаются наложенным платежом по получении не менее 50% их стоимости.
Адрес: МОСКВА 9, абонаментный факт № 168.

Асторы В. РЯ5037

БЕЗ ПОМОЩИ УЧИТЕЛЯ можно вполне изучить язык **ЭСПЕРАНТО** по руководству «ВЕСЬ ЯЗЫК ЭСПЕРАНТО»
Сост. А. А. Сахарова

Вып. I.
1. Основный курс 2. Ключ-самоучитель. 3. Esperanto. 4. Esperanto Frazebro. Ц. 75 к.
Вып. II.
5. Эсперанто-русск. словарь (Сутинского). Ц. 1 р. 60 к.
Вып. III.
6. Русско-эспер. словарь. Ц. 1 р. 30 к. Перев. 56 к.
Грудуто от латора, по адресу: Москва центр, почтовый ящик № 994.

К СВЕДЕНИЮ ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ! «МОСОБЛХИМПРОМСОЮЗ» ХИМИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ФАБРИКА

«Гален-Москва»
МОСКВА, 55-БАХМЕТЬЕВСКАЯ УЛ. 2-Й ВЫШЕСЛАВЦЕВ ПЕР., 6-А.

«Секаровская жидкость»
(Вытяжка из семян желез).
РАЗРЕШ. НКЗ № 8369.
ПРИМЕНЯЕТСЯ ПРОТИВ ИСТОЩЕНИЯ, УПАДКА СИЛ, ПОЛОВОГО БЕССИЛИЯ И НЕВРАСТЕНИИ ВО ВСЕХ ЕЯ ВИДАХ

«Активированный уголь»
В ТАБЛЕТКАХ, КРУПИНКАХ И В ПОРОШКЕ ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ. РАЗРЕШ. НКЗАР № 421
РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ ПРИ РЯДЕ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ, ПРИ ПРОЦЕССАХ УСЛОЖНЕННОГО БРОЖЕНИЯ В КИШЕЧНИКЕ, ПРИ АРТЕРИОСКЛЕРОЗЕ, ПРИ ОТРАВЛЕНИЯХ ЯДАМИ, ГРИБАМИ, НЕАБРОКРАТОВЕННЫМИ ЛИЩЕВЫМИ ПРОДУКТАМИ, В ГИНЕКОЛОГИИ ПРИ СЕПУТИЧЕСКИХ АБОРТАХ И КАК ПРИСЫПКА ПРИ ГНОЙНЫХ РАНАХ И ПОХОЖИХ ФИСУЛАХ.

«Вагинальные таблетки»
ДЛЯ ПРЕДОХРАНЕНИЯ ОТ БЕРЕМЕННОСТИ ВЫПУЩЕНЫ ВАГИНАЛЬНЫЕ ШАРКИ «ВАГИЛЕН» ПРИГОТОВЛЕННЫЕ НА ПРОТИВОЗАЧАТОЧНОМ ПРЕПАРАТЕ ХИНОЛОЛЕ. РАЗРЕШ. НАРКОМЗДРАВОМ

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ СПОСОБ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОД НАЗНАЧЕНИЕМ
ПРИ ОТСУТСТВИИ НА МЕСТАХ ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА В 50% ПОСЫЛОЧНОЙ КОМТОРОЙ «ГОРТ» — МОСКВА, МОСКВОРЕЦКАЯ УЛ. 26/7
НА СУММУ СЫШЕ 200 РУБ. ЗАКАЗЫ МОГУТ ВЫПОЛНЯТЬСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ФАБРИКОЙ